

Пётр Червинский

Птицы
в повериях и приметах

Пётр Червинский

Птицы в повериях и приметах

<https://litres.ru/74678488>

SelfPub; 2026

Аннотация

Почему аистово гнездо сулит дому счастье? О чём предупреждает птица, влетевшая в дом? Почему ворон и ворона занимают разные места в повериях? В народных приметах полёт, крик и повадки птиц становятся знаками, по которым человек пытается прочесть будущее. Седьмая книга серии о русских повериях и приметах посвящена птицам в народной картине мира. На примерах с аистом, вороном, голубем, кукушкой, совой исследуется, как их поведение связывали с погодой, рождением, смертью, удачей или несчастьем. Важно не только, какая птица появилась, но и где, что сделала и какое значение это имело для человека. Это не сборник суеверий, а научное исследование на пересечении фольклористики, лингвистики и семиотики. Автор рассматривает поверия как особый язык народной культуры, обнаруживая его логику, правила и значения. Книга написана научным языком, с терминологией, классификациями и схемами. Она адресована тем, кому интересно понять, как люди осмыслили окружающий мир. (От редактора)

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

129

Пётр Червинский

Птицы в повериях

и приметах

Пётр Червинский

Птицы в повериях и приметах

Оформление и техническая редакция
Анна Болотова

Оглавление

О подходе и принципах описания 5

**О возможных позициях птичьего и человеческого
расположения (на примерах с аистом) 9**

**Параметральные следствия отображаемого в повериях и
приметах состава 11**

**О группах, определяемых аистиной природой и следую-
щих, отчасти, из характеристики мест 16**

**Проективные следствия для человека из аистиных приме-
ров 20**

**Категориальное отображение семантики определя-
емых поверий-примет 25**

Уточнения категориальной семантики 32

- О семантике воробья в разбираемой системе 34
- О посредующей стороне отношения к человеку птичьего, и не только птичьего, существа 37
- О вороньем месте в системе 40
- О возможных локализациях ворона относительно человека 45
- О местах и объектах применительно к ворону 52
- Ворона в ее отличающем от ворона отображении 54
- Ворона в ее проецирующем отношении к человеку 56
- О погоде в "вороньем" ее ощущении 58
- Семантические обобщения для вороны 66
- Параметр птичьего 'отношения к человеку' в его признаках 68
- Системные основания проективного 'отношения к человеку' 73**
 - О свойственных для описываемой системы категориях 73
 - Система в ее значениях и подзначениях 76
 - Позиция человека-субъекта в системе 94
 - О роли представителей животного (птичьего) мира в системе 102
 - Уточнение сферы предсказывающего проявления птиц 106
 - Параметры указующего представления в составе примеров 109
 - О птичьем влетании в дом с последствиями для дома из этого 113

Голубь в его отношении близости к дому 115

О деструктивности человека в отношении птиц (на примере голубя) 117

О предсказующей сфере (М) для грача 122

Птицы не близкого положения к человеку 124

Действия дятла в их следствиях 126

О птицах в их близком / не близком положении к человеку 131

О характерах птичьего поведения (на примере гуся) 133

Типологические разновидности проявления птиц 139

Предсказующая сфера М птиц не близкого окружения 145

О корреляциях между птицами и человеком на примере с кукушкой 149

Типологическое представление птиц не близкого окружения человека 158

О жавороночных и близких к жавороночным особенностях (на основе примеров) 158

Дополнения к рассматриваемой 'жавороночности' для системы (иволга) 164

Коршун как еще одно дополнение 167

Кулик в его дополнении к коршуну 169

Дальнейшие дополнения в связи с куропаткой 171

О видовых различиях выведенных особенностей (на примере лебедя) 175

О типологии проявления предсказующей сферы М (летучая мышь) 181

О стечении указующих обстоятельств (орел) 184	184
О позициях птиц в системе и о том, что они придают 189	189
Направленность наблюдаемого проявления птиц 198	198
О природно-экзистенциальной целостности в птичьей связи 203	203
"Чувствительные" проявления летающего существа (на примере нетопыря) 203	203
Взаимодействующие соположения птиц с человеком (сница, снегирь) 207	207
Дифференциальные расположения совы 211	211
О типологии соловья 217	217
О сфере М для сыча и для тетерева 226	226
О состояниях, связываемых с трясогузкой и удоном 233	233
Указующие проявления дикой утки 236	236
Филин в типологическом сопоставлении с сычом и совой 240	240
Предсказующие определения при цапле, чайке, чибисе и щегле 247	247
Сопоставление признаков общего следствия (к ненастью) 251	251
Проявления птиц не близкого окружения в подтипах и их разновидностях 253	253
Об основаниях объявления человеку сокрытого 258	258
Литература и примечания 264	264
Резюме 289	289
О подходе и принципах описания	

Особенностью изучаемого предметного мира, ибо так это следует воспринимать, частью которого выступают в своем составе такие животные существа, как птицы, включая в данную группу диких, т.е. не одомашненных, не освоенных, живущих собственной жизнью и руководствующихся своими способами и видами проявления в ней, – особенностью этого мира для поверий-примет будет то, что свойственно всякой подобного рода себя ограничивающей предметности, отображаемой средствами языка. Определяется эта предметность тем, что из всего возможного многообразия существующего, того, что вне человека, что его окружает, а также того, что имеется в этом его окружении, отображаясь и передаваясь соответствующим образом в языке, – из всего этого многообразия находит свое выражение, было бы недостаточно говорить, далеко не все, ибо не в этом суть, находит свое выражение в этой предметности нечто такое, что можно видеть, а тем самым и характеризовать, как данный мир представляющее. Выведение и определение того, что в этом предметном мире отражено, а также того, каким именно образом, становится его семантическим и тематическим показателем.

Прежде чем пойти дальше в задуманном представлении, видится необходимым некоторые важные, поскольку дефинитивные, стороны оговорить. Прежде всего, то, что касается изучаемого материала. Объектом анализа и описания были поверия и приметы, касающиеся тематической группы,

представленной птицами. Животные (дикие), с добавлением к ним земноводных и рыб, и к ним насекомых, к которым, согласно имеющимся народно-традиционным представлениям, относятся также и пауки, составят предмет дальнейшего изучения. Все эти группы, как уже отмечалось, не предполагали включения домашних птиц и домашних животных, по той причине, хотя бы и не вполне с точки зрения поверий-примет оправданной, что их поведение может быть обусловлено воздействующим влиянием со стороны человека, а это хотелось бы избежать.

Еще одна особенность состояла в том, что выбранный материал, а именно поверия и приметы, в которых фигурируют живые дикие и при этом птичьи существа, наблюдаемые и характеризующиеся в их поведении и проявлениях со стороны человека, материал этот рассматривался под определенным углом. С точки зрения устройства и организации отраженного в нем предметного мира, понимаемого как действительность, но не как таковая и сама по себе, а такая, в которой видит и помещает себя человек в трех возможных аспектах: 1) в *ее* воздействии на него, 2) в *его* воздействии на нее, 3) в существовании человека в ней вне обозначенного с ее стороны воздействия. В центре всего материала, а с ним описания и представления, что понятно и объяснимо, говоря о повериях и приметах, тем самым, находится человек, воспринимаемый, отражаемый и видимый под определенным управляющим и направляющим углом – с точки зрения своего в

этом мире не то, чтобы оптимального, это было бы слишком сильно сказано, хотя в чем-то близко, с точки зрения своего как можно менее поражаемого существования. Это был бы, иными словами, прагматико-функциональный аспект, предполагающий его, человека, в нем, в этом мире, его проявление и участие, понимаемый, применительно к материалу, своим собственным образом, о чем еще далее пойдет речь. Стоит за этим необходимость знания, в каких случаях чего следует ожидать, как себя повести, что сделать, а чего не делать в той или иной ситуации. Наблюдаемое поведение диких птичьих существ, не только в природе, но и в человеческом доме (что также, хотя и редко, возможно), служит тем, что необходимо считать распознаваемыми знаками, по обобщенным схемам «если видится некое A , то из этого следует некое B , для себя ожидаемое», «чтобы было некое A , чтобы его достичь как желаемое, либо, напротив, чтобы его, как себе не желаемого не было, следует сделать либо не сделать определенное B ». Возможны также другие схемы, о которых еще пойдет речь, а эти наиболее частые. Важно отметить, что между тем и другим, внешним (по виду) A , и человеческим, от него исходящим, B , не следует в большинстве случаев ожидать привычных для осознания причинно-следственных отношений. Стоит за этим свое понимание и своя позитивная логика – предметного мира поверий-примет.

Следующей особенностью было бы то, что касается принципа описания. Все выводимое будет организовываться, под-

чиняясь системно-парадигматическому определению и распределению, при котором одно не случайным образом связывается с другим, если прямо из этого другого не следует. То, как и почему связывается или следует одно из другого, также будет предметом своего рассмотрения. Лежит в основе такого принципа исходно концептуальное представление о том, что весь этот описываемый предметный мир, отраженный для целей избираемой задачи в действующих и движущихся живых существах, имеет не только предостерегающий, в повериях и приметах, но и объясняющий смысл и характер. Объясняющий не непосредственно, не напрямую, не в том декларирующем отношении, что так и так его следует понимать, объясняющий внутренним, не то, чтобы скрытым, но, скорее, естественным и, тем самым, следствующим и выводимым образом, поскольку так мыслят и так понимают всё окружающее те, кто за отображенным миром в повериях и приметах как его субъекты стоят. Назвать их носителями соответствующей культурно-ментальной традиции, а с ней ее воплощенного для сознания мира, концептуального и семантического его языка, преувеличением не было бы, но это видится заявлением несколько сильным, скорее и во избежание не вполне соответствующего понимания, стоило бы говорить об отвлеченном Субъекте, или такой ментальной абстракции, которая, будучи неизменно субъектной по своему существу, с одной стороны, продуцирует, а с другой, воспримлет (воспринимает в это положение входит) то, что

находит свое воплощение в повериях и приметах. Оставаясь на уровне объясняющей виртуальной абстракции, следует говорить о генеративно-перцептивном аспекте анализируемого материала, а коль скоро о генеративном и перцептивном, то нечто за тем и другим, производством и восприятием производимого и произведенного, имеется и стоит, а данное нечто и будет тот самый Субъект¹, для поверий-примет и в них отраженного мира.

И, наконец, еще одно замечание предваряющего характера, которое следует и выводится из особенностей изучаемого материала. Касается данное замечание самих, в своих названиях закрепленных, птичьих существ. С одной стороны, необычным, если не парадоксальным, оказывается то, что, с другой стороны, проявляет себя как релевантное и для поверий-примет в определенном, если не в определяющем, смысле естественное: обозначаемые в своих проявлениях живые животные существа, птицы, а также впоследствии дикие звери, земноводные, рыбы и насекомые, с точки зрения того, что они в повериях и приметах собой представляют, в отношении этого представляемого и означаемого ими, оказываются, как соответствующие существа в своем виде, неважными. Данное положение, однако, требует пояснения. Некое животное существо, отображаясь в тексте поверия или приметы как такое, которое влияет на что-то для человека или показывает что-либо для него, в этом что-то и что-либо оказывается безусловленным для себя самого.

Его самого это внешне и внутренне не затрагивает, а если затрагивает, поскольку чего-то подобного не следует исключать, то каким-то не сразу отображаемым, не находящимся на поверхности и не всегда осязаемым, точнее не выводимым определенно и ясно, образом. Покажем данное положение на примерах. Оттолкнемся при этом от *аиста*^{1*}, поверий и примет с которым, по сравнению с другими представителями животного мира, довольно немало и они разнотипны.

Аист

Над чьей-либо избой пролетит – к родам.

У кого совет в трубе гнездо – к счастью и богатству.

Первое, на что следует обратить внимание, это то, что роды получают свое разрешение в той избе, над которой пролетит аист, а не вообще где-нибудь в данной местности и как таковые. То же касается положения о счастье с богатством. В связи с чем говорить приходится о привязываемой локализации аиста к месту жилья, как постоянного местопребывания человека в составе семейной группы. Семья в той избе должна ждать появления потомка и, опять же, в еще одной единице, семью ожидает счастье с богатством. Ту семью, в трубе на избе которой, аист совет гнездо. Из чего будет следовать, для поверий-примет, представление

¹ * Источником материала был сборник двух авторов-составителей: В.А. Кульматов, Т.В. Кульматова, *Русские народные приметы и поверья*, Москва: АСТ, 1999. Интересовавшие нас фольклорные единицы представлены в нем тематически и довольно полно, будучи выбраны из большого количества собраний и публикаций различного рода.

О возможных позициях птичьего и человеческого расположения (на примерах с *аистом*)

С местом, также предполагаемого человеческого жилья, хотя, возможно, и не исключительно, поскольку несколько шире, связывается также такая примета:

В том месте, где аист свил свое гнездо, никогда не ударит молния, даже вблизи него.

Речь не идет здесь о том, чего и в каком для себя отношении человеку, в семейном ли, одиночном своем составе, применительно к жизни своей, предстоит ожидать. Говорится о защищенности места, с подразумеваемым предположением, что этим местом может быть и, скорее, будет место его жилья.

Если аист не улетает далеко от своего гнезда, а держится от него неподалеку, то это предвещает ненастье.

В данном примере встречаемся с раздвоением места (концентрируемся пока что на этом). Имеется место аиста, или его гнездо, и имеется, представляясь, то место, которому ожидать ненастья. И это не будет место жилья, но будет местом проявленной повседневной деятельности не одной семьи и не одного человека, а целой общественной группы совместно в определенной местности находящихся и более или менее постоянно на ней пребывающих, связанных между собой условиями общей деятельности и этого пребывания, для которых актуальным и важным, в такой их совместности, бу-

дет ненастье, которое их всех ожидает.

Если в погожий день аист держится сухого места, то на другой день следует ожидать такой же погоды, а если держится мокрого места, то ненастной.

Если аист сидит на кресте, то следует ожидать дождливых часов.

Два данных примера, с точки зрения разбираемого представления места, подобны. Имеется место, на сей раз не постоянного, в смысле гнезда, пребывания, а обусловленного внутренне чем-то для аиста, наблюдаемого, временно единичного расположения, размещения его, обозначенное как *сухое, мокрое, на кресте*. При этом, если на последнем из них аист *сидит* (что следует понимать как стояние сверху своими длинными птичьими лапами), то двух первых, *сухого* и *мокрого*, – *держится*, т.е. находится возле, передвигаясь, ходя при нем, и в определенное время, обозначенное словами *в погожий день*. Тем самым, как дополнительный, появляется детерминирующий показатель времени. Второе, не называемое, место будет подобным тому, что обозначено при *ненастье*, как место общественное, а не семейное.

Если аисты летают кругами у своих гнезд, то это предвещает ветреную погоду.

Второе место, которого коснется, обозначенная как *ветреная*, погода, будет таким же, как и в трех предыдущих случаях, – общественное месторасположение совместной группы людей. В отношении первого, скорее пространства, чем ме-

ста, в его привязанности к тому, что имеет свое отношение к аисту, наблюдается нечто новое. Говорится о перемещении в воздухе, совершаемом *кругами*, не одним, а группой аистов в каком-то неопределенном числе. Можно предполагать, что это аисты, свившие свои гнезда в общей для них, людьми заселенной, местности, также общей для них. Тем самым, первое место непосредственно связывается со вторым и его, в гнездах аистов, проецирует. Из чего получается, что место аистов, или их, если точнее, местá, распределенные по местам проживания человека, соответствуют и соотносятся с такими же распределенными в данной местности местами людского жилья и людской хозяйственной деятельности.

Если аист перенесет гнездо с одного дома на другой – к беде.

Первое место, то, что касается аиста, будет таким же, как и в примерах с ненастьем, молнией и богатством со счастьем. Таким же и не вполне таким, поскольку речь идет о перенесении им своего гнезда, т.е. место это будет иметь изменяемое раздвоение, в точке *A*, как исходной, и в точке *B*, как конечной и целевой. Что касается второго места, то оно, раздвоенное по внешнему виду (*с одного дома на другой*), по смыслу и существу едино, совпадая с примерами с родами и богатством со счастьем – *беды* следует ожидать тому дому, с которого аист гнездо переносит, при несущественности при этом того *другого*. Место аиста подвижно и двойственно. Место дома с бедой неподвижно и при этом не двойственно.

Если аист выбрасывает из гнезда свое яйцо, то это предвещает голодный год.

Если аист выбросит из гнезда своего птенца, то наступивший голод будет продолжительным.

Два данных примера, с позиции места, отчасти представляют собой повторение, совпадая в одном из значений (первом) с тем, которое связывалось с ненастьем. Это первое место будет местом более или менее постоянного пребывания аиста, т.е. его *гнездо*. Что касается места второго, то им не будет только место совместного проживания и пребывания какой-то определенной сельской общины, с чем приходилось встречаться ранее, поскольку *голодный год* и *наступивший голод*, который *будет продолжительным*, коснется многих в их многих местах (не обобщая все же, хотя и это возможно, до размеров целой страны). Однако, при столь расширенном понимании места, следует полагать позицию, в этом широком и обобщенном, места, которое можно считать актуальным: наблюдаемый в совершении указанных действий аист становится предсказанием голодного года, с его продолжительностью второго примера, в первую очередь, для наблюдающих, т.е. тех, кто в данной совместной местности проживает. Место аиста становится определением места для человека.

Параметральные следствия отображаемого в повериях и приметах состава

Если в течение лета аисты часто собираются в стаи

и кружатся, то наступающая осень будет холодная и ненастная.

Вновь появляется представление о множественности для аистов, как это было в примере с летанием их кругами, предвещающим ветреную погоду. Отличие заключается в том, что на сей раз их это кружение, во-первых, гнездами не обусловливается и место проявляет себя как не обозначенное, не говорится о том, где они, собираясь в стаи, *кружатся*. А во-вторых, сообщается о повторяемости совершаемого ими такого совместного действия, поскольку они это делают *в течение лета* и к тому же *часто*, т.е. не один раз и в каких-то последовательных временных промежутках. Что касается места для человека, или, по принятому порядку, второго, оно по позиции совпадает с тем, которое было в двух предыдущих примерах, с голодным годом и его продолжительностью. Совпадение, хотя и не полное, можно отметить при этом не только для места (у человека), но и для времени, – *осень холодная и ненастная* также по-своему отмечает в своем промежутке год, предполагая, что данный год, не наступающий, а продолжающийся (и в этом отличие), будет с холодной и ненастной осенью.

Тем самым, следуют из того же примера такие параметры: 1) *аисты*, как агенты распознаваемого и наблюдаемого действия, в определяющей их характеристике а) множественности, б) предваряющей объединяющей, но не массово, а дискретно, разрозненно, в группах, организации действия – *со-*

бираются в стаи, с) фреквентивности данной организации, ее повторяемости, – часто, d) совместно осуществляемого действия, имеющего характеризующий, определяемый производимыми ими в полете кругами, вид – кружатся; 2) в течение лета – как временной промежуток производимого и наблюдаемого действия; 3) не определенная, но подразумеваемая локализация а) осуществляемого действия аистов и б) территории, местности, на которую распространяется то, что себя проявляет в 4) как ожидаемое наступление сезонного временного периода в определяемой атрибутивности: осень будет холодная и ненастная. И остается еще одна не названная в примере, но неизбежно подразумеваемая позиция – 5) того и тех, кого касается предсказание осени (пункт 4), или субъекта, кто наблюдает, в своих представителях (репрезентация), некоторым неопределенным числом, действия аистов в пунктах 1, 2, 3а), кто будет иметь отношение к локализации в пункте 3б) и кого, во всей этой связи, можно видеть как а) обсерватора, наблюдателя, б) носителя распознаваемого знания, экспериентора, и с) того, кто будет испытывать на себе то, что выражено в пункте (4) как объект, или пациент.

То, что касается 5-го пункта, определяясь в своем значении как позиция S , для субъекта, в его проекциях к выраженному в подпунктах (а, б, с), следует видеть как обобщение, уточняясь в том отношении, что обсерватор (а) и экспериентор (б) не обязательно совпадают, – тот или те, кто видит, и

тот или те, кто объясняет значение увиденного, могут быть разными представителями какого-то объединения, или общины. В то время как пациент для подпункта (с) должен восприниматься как некое континуумное субъектно-объектное множество, включающее в себя обсерватора (а), экспериентора (b), всех остальных той общины, представителями которой тот и другой выступают, а также и многих других, какой-то расширенной местности и территории, которой коснется распознанное состояние ожидаемой осени (пункт 4).

Все сказанное можно укладывать в такую обобщенную, без уточнений в подпунктах, формулу: $AgObserv[Act(Attr^1)T^1Loc] > T^2(StatAttr^2)Loc(S)$ – ‘действующий определенным образом и наблюдаемый в каком-то времени и в отношении к месту агент предполагает своим значением атрибутивное состояние чего-то во времени после, которое будет касаться места субъекта и его состояния в нем’. То, каким образом производится наблюдаемое в его совершении действие со стороны агента-производителя, становится знаком предполагаемого состояния чего-либо, относящегося к заинтересованному в этом субъекту. Приведенная формула будет определяться как атрибутивно-акциональная в левой части и атрибутивно-статальная в правой. Из чего получается то, что действуют две проекции: та, что касается характеристики действия аистов (*кружатся*, часто собравшись в стаи), с ее отношением к характеристике наступающей осени (*будет холодная и ненастная*), – $Act(Attr^1)$

$> StatAttr^2$, и та, что касается связанных сезонных периодов (в течение лета $>$ осень, которая за этим летом последует),
– $T^1 Loc > T^2 Loc$.

Вернемся, однако, к начатым перед этим определениям места, прежде чем все на основе примера с кружением аистов и ненастной осенью, а также всего остального, нашедшего свое отражение в материале, вывести и обобщить.

Если аисты не отлетают до Спаса, то будущая зима обещает быть мягкой и теплой.

Позиция места субъекта, т.е. места второго, для человека, будет совпадать с предыдущей: зима, как и осень, в смысле локализации, имеет неопределенно широкое распространение, не привязываемое непосредственно к позиции наблюдателя, но имеющее актуализируемый вид для него, он находится в отмеченной заинтересованностью точке, концептуально, тем самым, к значению времени-места с их состоянием подключаясь и в нем принимая участие. В свою очередь, то, что касается первого места, позиции аистов, приобретает вид, до сих пор не рассмотренный. Аисты не отлетают до Спаса не столько со своих насиженных, связанных с гнездами, проживанием и добыванием пропитания мест, сколько с какой-то широко понимаемой, в известном смысле географической, территории. Дает это представление об еще одном вероятном для аистов (первом) месте. Появляется новое представление (помимо сезонного отображения времени в виде зимы) об отмечаемом в значении наблюдаемого знака

периоде T – до Спаса, на что впоследствии будет обращено внимание.

Кто хочет быть крепким на ноги в течение целого года, тот должен пробежать в сторону аиста, когда увидит его первый раз весной.

Обращая внимание только на место, поскольку все остальное будет выводиться и определяться в дальнейшем, необходимо поставить вопрос о его, т.е. места, позиции и актуализации, которые не представляются очевидными. Место аиста, совпадая, что следует неизбежно предположить, с позицией места его увидевшего (первое место равно второму, если точнее, то наоборот, второе приравнено к первому), – данное место аиста видится как допустимо возможное и при том не существенное. Иными словами, с одной стороны, не важно, где некто *увидит аиста первый раз весной*, важно, но это само собой разумеется, что в досягаемости зрением, что на некотором от себя расстоянии и что, с другой стороны, где-то, скорее всего, снаружи, в пленэре, т.е. не в доме, возможно, что не на крыше-трубе, не в гнезде (хотя то и другое не исключено), поскольку, коль скоро *тот должен пробежать в сторону аиста*, может он это сделать, имея физическую способность к тому. Из всего этого следует вывод об еще одной допустимой проекции места, как первого, так и второго, в их соотношении и непривязанности того и другого к более или менее постоянному проживанию и жилью.

Если кто увидит аиста первый раз весной в состоянии по-

кая, тот весь год будет слаб на ноги, то есть будет утомляться ходьбою.

При принципиальном отличии смысла, заложенного в данном примере, от предыдущего, то, что касается характеристики мест, для них совпадает.

Кто разорит гнездо аиста, в особенности же убьет его детей, тот навлечет на себя и на свой дом целую череду несчастий, среди которых могут быть пожары и смерти.

У того, кто разорит аистинное гнездо, аист сожжет дом или унесет из колыбели ребенка, а вместо него положит обгорелое полено.

В двух приведенных, последних, примерах источника с аистом необходимо отметить, в отношении разбираемых мест, их совпадение с ранее выведенными при счастье с богатством и перенесением аистом своего гнезда при беде, в которых первое место определялось в виде гнезда, а второе – дома, в соотношениях *гнездо* > *семейный дом*, *аист* > *живущие в данном доме люди*, *кто-то* из них один. С тем существенным уточнением, что если гнездо и дом двух ранее рассмотренных случаев в своей позиции совпадали (гнездо на доме, о котором в примерах речь), то в двух этих последних данное положение не проявлено: гнездо, которое некий субъект разорит, не обязательно должно находиться на его доме.

Выведенные соотношения мест, определяемые как первое (аиста), обозначим его индексом L^1 , и второе (человека, лю-

дей), L^2 , дают такую картину:

А) Конъюнкция, или связка ($L^1 \leftrightarrow L^2$), – позиция L^1 связывается с позицией L^2 , предполагая взаимодействие в представляемом результате. Возможными видятся следующие разновидности:

1) Соположение, или смежность (аффинитивность), – L^1 непосредственно определяет то, что в L^2 .

а) В движении, или динамике, при которой L^1 по отношению к L^2 не стабильно, имеет отмеченный кратким временем и отрезочный, с точки зрения локализованности, характер. Отражает себя в примере *Над чьей-либо избой пролетит – к родам*. L^2 представляет собой жилье человека, и в нем ожидается то, что произойдет и на что указывает прочерченная над ним позиция L^1 .

а¹) В перемещаемости L^2 по отношению к не определяемому в статике или динамике L^1 : *Кто хочет быть крепким на ноги в течение целого года, тот должен пробежать в сторону аиста, когда увидит его первый раз весной*.

б) В статическом, или стабильном, соположении, при котором позиция L^1 , совпадая с позицией L^2 , предполагает проекцией то, что имеет к последнему отношение. Отражает себя в примерах *У кого [аист] совет в трубе гнездо – к счастью и богатству* (гнездо аиста – жилье человека). *В том месте, где аист свил свое гнездо, никогда не ударит молния*,

даже вблизи него (гнездо аиста – позиция при жилье человека).

б¹) В перемещаемой стабильности L^1 : Если аист перенесет гнездо с одного дома на другой – к беде (гнездо аиста – жилье человека).

б²) В отмеченной стабильной статичности L^1 при снятой не обозначенности L^2 : Если кто увидит аиста первый раз весной в состоянии покоя, тот весь год будет слаб на ноги, то есть будет утомляться ходьбою.

2) Амплификация, или распространение ($L^1 > L^2$), – позиция L^1 не связывается непосредственно с позицией L^2 , не указывая на ее очерченную в границах определенность, но предполагая ее. Имеет следующие возможные разновидности:

а) Стабильно отмеченное как неподвижное положение L^1 при расширенной определенности для L^2 . В примерах: Если аист не улетает далеко от своего гнезда, а держится от него неподалеку, то это предвещает ненастье. Если в погожий день аист держится сухого места, то на другой день следует ожидать такой же погоды, а если держится мокрого места, то ненастной. Если аист сидит на кресте, то следует ожидать дождливых часов.

а¹) Стабильно отмеченное как неподвижное положение L^1 при расширенной неопределенности для L^2 : Если аист вы-

брасывает из гнезда свое яйцо, то это предвещает голодный год. Если аист выбросит из гнезда своего птенца, то наступивший голод будет продолжительным. Если аисты не отлетают до Спаса, то будущая зима обещает быть мягкой и теплой.

b) Стабильно-подвижное положение L^1 при расширенной определенности для L^2 . В примере: *Если аисты летают кругами у своих гнезд, то это предвещает ветреную погоду.*

b¹) Стабильно-подвижное положение L^1 при расширенной неопределенности для L^2 : *Если в течение лета аисты часто собираются в стаи и кружатся, то наступающая осень будет холодная и ненастная.*

В) Соотнесение (конгруэнтность) – позиция L^1 в приписываемом ей значении определяет, как подобное, значение для позиции L^2 : *Кто разорит гнездо аиста, в особенности же убьет его детей, тот навлечет на себя и на свой дом целую череду несчастий, среди которых могут быть пожары и смерти. У того, кто разорит аистиное гнездо, аист сожжет дом или унесет из колыбели ребенка, а вместо него положит обгорелое полено.*

О группах, определяемых аистиной природой и следующих, отчасти, из характеристики мест

В связи с представленным соотношением мест видится необходимым задаться вопросом, связанным с тем, что непосредственно выражено в том или ином примере с учетом

того, на что указывает и что предполагает его значение. Поскольку, как несложно заметить, далеко не всегда места положения аиста и человека (людей) каким-либо образом определяют сущность того, что в примерах проявлено. И это была бы еще одна дифференциация, при которой примеры с актуализируемой локализованностью будут входить в соотношение с другими.

Рассмотрим для этого неоднократно уже повторявшийся первый пример. *Над чьей-либо избой пролетит – к родам.* То, что в данной избе ожидать полагается роды, будет ли предполагать выделенную перед этим позицию *Ala* для двух сопологаемых локусов – передвижение аиста в L^1 и избу в L^2 ? Следует полагать, что будет, поскольку аиста в его таком над избой перелете необходимо воспринимать как знак, имеющий к данной избе предсказующее отношение. То же будет касаться двух следующих примеров, с положением создаваемого аистом гнезда (в трубе у кого-либо), сулящем счастье с богатством ее обладателю, и местом, в которое не ударит молния, если аист там свил гнездо.

В связи с этим такую первую группу можно определить как группу локализаций, имея в виду существенность проявляемых в примере мест для значения того, что в них отражено. К подобным случаям следует относить также следующие: *Если аист сидит на кресте, то следует ожидать дождливых часов. Кто разорит гнездо аиста, в особенности же убьет его детей, тот навлечет на себя и на свой дом це-*

люю череду несчастий, среди которых могут быть пожары и смерти. У того, кто разорит аистиное гнездо, аист сожжет дом или унесет из колыбели ребенка, а вместо него положит обгорелое полено.

Еще одну группу составят примеры (с определяющим смыслом того, что в правой части), передающие положение с аистом в левой части, отображаемое словами *держаться* (какого-то) места, *не отлетать* и обозначающие, тем самым, привязанность, точнее привязываемость, прикрепление. При том условии, что аисту, как летающей птице, подвижной, мобильной, подобное состояние не то чтобы не свойственно, но что-то должно и может собой отражать. Определим эту группу как группу фиксированностей, с такими примерами: *Если аист не улетает далеко от своего гнезда, а держится от него неподалеку, то это предвещает ненастье. Если в погожий день аист держится сухого места, то на другой день следует ожидать такой же погоды, а если держится мокрого места, то ненастной. Если аисты летают кругами у своих гнезд, то это предвещает ветреную погоду. Если аисты не отлетают до Спаса, то будущая зима обещает быть мягкой и теплой. Если кто увидит аиста первый раз весной в состоянии покоя, тот весь год будет слаб на ноги, то есть будет утомляться ходьбою.*

Следующую группу составят примеры движений по перемещению, или группы траекций. Условием ее будет такое производимое движение того, кто находится в левой части

примера (аист, кто-то другой), в том числе также стаи, более чем не одного, при котором нечто меняет свое исходное положение на другое. Этим нечто, или объектом перемещения, может быть и сам аист, и человек. Существенным будет то, что производимое перемещение становится средством и знаком определяемого смысла: *Если аист перенесет гнездо с одного дома на другой – к беде. Если аист выбрасывает из гнезда свое яйцо, то это предвещает голодный год. Если аист выбросит из гнезда своего птенца, то наступивший голод будет продолжительным.* С примером множественности перемещающихся в пространстве объектов: *Если в течение лета аисты часто собираются в стаи и кружатся, то наступающая осень будет холодная и ненастная.* И с примером не аиста, а человека: *Кто хочет быть крепким на ноги в течение целого года, тот должен пробежать в сторону аиста, когда увидит его первый раз весной.*

Определяя дальнейшее, следует обратить внимание на то, что в анализируемых примерах себя проявляет как важное – для аиста, с одной стороны, для человека, с другой. Важное с точки зрения означаемого смысла в поверии и что будет влиять на его этот смысл. Аист в примерах характеризуется а) как тот, кто летает, и тогда отражает себя это в словах *пролетит* (над избой), *летают* (кругами у своих гнезд), собираются в стаи и *кружатся*, с дифференцирующим отличием отрицания в этом ряду – *не улетает* (далеко от своего гнезда), *держится* (от него неподалеку), *держится* (сухого /

мокрого места), *сидит* (на кресте); б) как тот, кто, летая, появляется, прилетая весной, и исчезает, улетая осенью, проявляя тем самым себя, как сезонная птица, в весенне-летний период времени, что находит свое отражение в виде: *не отлетают* (до Спаса), (пробежать в сторону аиста, когда) *увидит его первый раз весной*, (кто) *увидит аиста первый раз весной* (в состоянии покоя); с) как тот, для которого существенное значение приписывается его гнезду, а в нем, соответственно, птенцам, его детям, в первую очередь, потому, что то и другое имеет прямое свое отношение к жилью и семье человека: (у кого) *совет* (в трубе) *гнездо*, (в том месте, где аист) *свил свое гнездо*, (если аист) *не улетает* (далеко) *от своего гнезда*, (если аисты летают кругами) *у своих гнезд*, (если аист) *перенесет гнездо* (с одного дома на другой), (если аист) *выбрасывает из гнезда свое яйцо*, (если аист) *выбросит из гнезда своего птенца*, (кто) *разорит гнездо аиста*, (в особенности же) *убьет его детей*, (у того, кто) *разорит аистиное гнездо*; d) как тот, который, будучи, в том числе перелетной, птицей, в каких-то случаях действует одновременно во множестве и собирается в стаи: (если аисты) *летают кругами* (у своих гнезд), (если в течение лета аисты часто) *собираются в стаи и кружатся*, (если) *аисты не отлетают* (до Спаса).

Складывается это совместно в картину четырех предикатных характеристик для аиста, связываемых а) с движением по воздуху, летом, как признаком аэративной мобильности,

b) проявлением в весенне-летний период, как признаком вегетативной открытости, c) наличием места присутствующего обитания и потомства в нем, соотносимыми с человеческими, что можно представить как параллельный (людям и человеку) хабитативно-генеративный параметр, и d) с признаком собирательной множественности, или симультанной плюральности. Отражает все это, в своих соответствующих значениях, категории действия, времени, места (имея в виду, что потомство аиста есть проявлением и продолжением места) и квантитативности, или числа.

Связывая данные признаки с тем, что себя проявляет в повериях, будучи значимо важным для человека, предполагая его как центр, вокруг которого располагаются выведенные предикатные характеристики аиста, необходимо отметить в движении пересекающееся либо совместное, совмещаемое (контактное) отношение аиста к хабитативному либо позиционному месту, жилью либо присутствию где-либо человека; в категории времени – стоящий за нею подразумеваемый период хозяйственной деятельности, связываемый с вегетативным подъемом, раскрытием и полнотой (весна и лето); в отношении места – то же, что и для движения, в совпадающем пересечении и совмещении; в отношении собирательной множественности – то же, что и для времени, в связи с погодой-природой и вегетативом.

Выводится из всего перечисленного такая четырехместная схема, объединяемая в сопологаемые в парах проекции

по отношению к человеку (в третьей, центральной, колонке, показанные значения которой в четырехместную схему не входят):

Агенс

Предикаты

Категории

Проекции

Экспериментор^{2*}

Mobil

Действия

Аист

Veget

Времени

MobilHabit

Человек

² * Лат. *exp̄rior*, *-pertus sum*, *-īri* [(*perior*), *peritus sum*, *-īri* (*встреч. тк. pf.*)] ‘испытать, изведать’] ‘(ис)пробовать, испытывать’: *e. aliquem* ‘подвергать кого-л. испытанию’, *но тж.* ‘(по)мериться силами с кем-л.’: *alteram fortunam expertus* ‘изведавший превратности судьбы’. В отсылочных пояснениях к семантическим показателям выбирались не все значения латинских слов, а только такие, которые передают соответствующий смысл. Латинизированные обозначения необходимо рассматривать как дополняющие, унифицирующие и поясняющие. Предполагает это также использование их в формулах концептуальных схем и служит более полному представлению используемых при описании семантических признаков.

Habit

Места

VegetPlural

Plural

Количества

Тем самым, *аист*, как агент и вместе с тем определяемый подвижный объект, воспринимаемый одновременно как наблюдаемый и видимый и как соответствующий знак человеку, по отношению к нему и с точки зрения его позиции (пробытия, проживания, состояния), проявляет себя он в своем аэративном движении либо его отсутствии в отношении того, что касается, в первую очередь, признака *Habit* и далее *Veget* для человека, в их совпадении с аистом у него, а с позиции признака *Plural*, при его связи все с тем же признаком *Mobil* движения для аиста, для человека обнаруживает себя воздействием через *Veget*. Аист, иными словами, в повериях и приметах, такое живое и действующее существо, которое в своих проявлениях обладает способностью определения того, что касается, в первую очередь, *Habit*, жилья, и *Veget*, природного, внешнего окружения человека.

Проективные следствия для человека из *аистиных* примеров

От этого переходим к тому, что касается человека. Вне его отношения к аисту как таковому, но в том, что следует

из примет и поверий с ним. Прежде чем вывести вероятные положения, представим получаемую картину в такой последовательности:

Аист (которому может быть свойственно то, что слева, до знака /, в передаче курсивом, из чего справа, после знака /, следует то, что касается человека)

- *пролететь над избой* / роды
- *свить гнездо* (в трубе) / к счастью и богатству
- место, где *свил гнездо* / не ударит молния
- *не улетать далеко от гнезда* / ненастье
- *держаться сухого места* в погожий день / ожидать такой же погоды
- *держаться мокрого места* / ожидать погоды ненастной
- *сидеть на кресте* / ожидать дождливых часов
- *летать кругами у своих гнезд* / ветреная погода
- *переносить гнездо* с одного дома на другой / к беде
- *выбрасывать из гнезда свое яйцо* / голодный год
- *выбрасывать из гнезда своего птенца* / продолжительный голод
- *часто собираться в стаи и кружиться* в течение лета / холодная и ненастная осень

- *не отлетать до Спаса* / мягкая и теплая зима

Заключающий ряд (в правой части, после знака /) дает представление не о том, что совершается либо не совершается аистом, а о том, что производится человеком, предпринимается ему к производству либо имеет к нему отношение

применительно к аисту (в левой части до знака / при курсиве для аиста), из чего будет следовать для человека то, что после этого знака в правой:

-- пробежать в его сторону, *увидев первый раз весной /* крепкие ноги в течение года

-- *увидеть первый раз весной в состоянии покоя /* быть слабым на ноги

-- разорить *гнездо*, убить его *детей /* череда несчастий, пожары и смерти

-- разорить *гнездо /* сожжет дом, унесет из колыбели ребенка, положит обгорелое полено вместо него

Полученную картину в ее составляющих можно распределить по следующим трем основаниям:

1) то, что ждет человека в отношении его проживания, жизни, а также жилья, как их места, и их состояний (выведенный ранее признак *Habit*, который можно расширить до экзистенционального положения в *Exist*) и к этому то, что имеет свое отношение к независимым от человека проявлениям внешнего, определенным образом воздействующим на него, – погода, природа ранее определенного признака *Veget*, который также получит свое расширение в том, что обозначим как темпестативность^{3*} (*Tempest*), понимая под этим пе-

^{3*} Лат. *tempestas*, *-ātis f* [tempus I] ‘время, промежуток времени, период’, *тжс. pl.* (*тжс. caeli t.* букв. ‘неба, небесной выси состояние-время, время как состояние’), ‘состояние погоды, погода’, (*тжс. t. adversa*), ‘непогода, буря, гроза’, ‘беда, бедствие, несчастье’, *multis et magnis tempestatibus*: часто в тяжёлых обстоятельствах || *перен.* ‘бич, гроза’.

риод времени, обнаруживающий себя в погоде, ее состояниях и предполагающий также сезонные, вегетативные, смены (в перечислении проявления *Tempest* от *Exist* в первом пункте будут отделены двумя косыми чертами //);

2) то, что можно считать местами, местами-объектами и объектами, которые будут иметь отношение к человеку в месте его проживания и жилья, – к аисту, а также в других примерах к другому животному существу, – к тому, что внешнее, к человеку прямого своего отношения не имеет, – к тому, что, будучи внешним (не местом его проживания и жилья), выступает объектом освоенного им пространства, того, что было создано, создается его руками;

3) промежутки, отрезки времени, как отмеченно значимые, находящие свое выражение в примерах.

И тогда соответственно, на материале с аистом, получаем:

1) рождение (роды), ребенок (как составляющее жизни, жилья человека), удар молнии (не ударит молния), смерть, счастье, богатство, беда, несчастье, голод, крепкие ноги, быть слабым на ноги, череда несчастий, пожары // погода (погожий день, ненастье, дождь, ветер, холодная и ненастная осень, мягкая и теплая зима) – то, что аист приносит, чему, возможно, способствует, что предчувствует (предвещает), о чем еще будет впоследствии речь;

2) изба, труба, дом, колыбель, ребенок (как находящийся в доме объект), обгорелое полено – гнездо, яйцо, птенец, стаи, дети – место, сухое / мокрое место – крест;

3) лето, весна, Спас.

Обращаясь к тому, что нашло свое отражение в первом пункте применительно к существованию, экзистенциальности (*Exist*) и ее состояниям, в первую очередь, можно было бы подразделить на витальные состояния, или витальность (*Vit*), и состояния, связываемые с благополучием либо неблагополучием, или просперитивность (*Prosper*). С таким последующим распределением:

- витальность (*Vit*)
 - продуцирования, создания, формирования, образования, возникновения, появления (*VitProd*, роды в примерах с аистом)
 - продолжения, расширения, распространения (*VitProlong*, ребенок)
 - поддержания, сохранения, придавания, защищенности (*VitSustent*, не ударит молния)
 - прерывания, остановки (*VitAbrupt*, смерть)
 - способствования, побуждения, стимулирования (*VitStimul*, крепкие ноги)
 - падения, ослабления (*VitRemiss*, быть слабым на ноги)
 - утрачивания, отступления, отхождения (*VitAmiss*, беда, несчастье, череда несчастий)
- просперитивность (*Prosper*)
 - развития, продолжения, усиления, укрепления, возрастания (*ProsperProgr*, богатство)
 - утраты, потери, исчезновения (*ProsperAmiss*, беда,

несчастье, череда несчастий, – все это, если касается жизни, будет иметь отношение к витальности, и там поэтому было отражено, в то время как достаток, имущество следует относить к просперитивности)

– недостаточности, застывания, блокирования, торможения, останавливания (*ProsperDefect*, голодный год, продолжительный голод)

– уничтожения, истребления, сжигания (*ProsperDelet*, пожары)

В отношении темпестативности также возможно подразделение на темпестативность аэративности (*TempestAer*), предполагающую атмосферно-погодные состояния, и темпестативность вегетативности (*TempestVeget*), определяемую в сезонных сменах лета, осени, зимы и весны, с их дополняющими характеристиками. В отличие от двух этих признаков, аэративности и вегетативности, витальные и просперитивные состояния (при их отношении к экзистенциональности, общей для них) более независимы, в связи с чем при индексах, а также в возможных схемах, конструкциях, моделях и формулах будут использоваться самостоятельно, т.е. *Vit* и *Prosper* без предварения *Exist*. В то время как атмосферно-погодные и вегетативно-сезонные проявления более обусловлены тем, что, будучи обозначено как темпестативность, связывается с временными периодами, обнаруживающими себя в природе и атмосфере. Отсюда их связанность при описании в виде удвоенной передачи с помощью индек-

сов – *TempestAer* и *TempestVeget*.

Нашедшие свое отражение в примерах с аистом темпестативные проявления можно видеть в таком разделении:

- темпестативность аэративности (*TempestAer*)
- открывающейся кверху, наверх, наверху, открытого верха (*TempestAer(ApertSurs)*, погожий день)
- отступающей, отходящей (*TempestAer(Regress)*, ненастье, ожидать погоды ненастной)
- открывающейся книзу, вниз, нисхождения, ниспускания, открытости книзу (*TempestAer(ApertDeors)*, дождь, ожидать дождливых часов)
- поднимающейся, возмущаемой, поднимаемого перемещения, асценсивного траектива (*TempestAer(AscensTraject)*, воздушных масс, ветер, ветреная погода)
- темпестативность вегетативности (*TempestVeget*)
- понижающегося отступления при начинающемся замирании (холод + ненастье осени = осень + понижение + отступление (холодная ненастная осень) = *TempestVeget(InitEmort)* ↔ *TempestAer(Decess+Regress)*, т.е. при соединении признаков вегетативности и аэративности, точнее при сопровождающем подключении их; осень при этом определяется как наступление замирания вегетативности, *TempestVeget(InitEmort)*, а зима, соответственно, в следующем подпункте – как ее, вегетативности, период, этап, замирания, *TempestVeget(Emort)*)
- облекающего поддержания при замирании (мягкая, теп-

лая зима) *TempestVeget(Emort)* ↔ *TempestAer(Elev+ Vestit)*, – как и в предыдущем случае, следует говорить о соединении сопровождающих признаков аэративности с признаками вегетативности, что служит обоснованием тому, о чем уже говорилось, в отношении большей связанности их (по сравнению с признаками витальности и просперитивности к экзистенциальности), с отражаемой в них темпестативностью

Категориальное отображение семантики определяемых поверий-примет

Выведенные на примерах примет и поверий с аистом категориальные, по своему существу, основания с их дальнейшим подразделением в возможном составе представляют собой лишь часть более общей и полной картины, находящей свое отражение в изучаемом материале, для птиц, для животных, для насекомых и пр. живых существ, способных к самостоятельному передвижению. Тех из них, поскольку не всех, которые в своих проявлениях служат знаками либо способны влиять на человека и возможные его состояния.

Прежде чем перейти к выведению и описанию такой более полной картины, в материале и без него, исходя из себя допускающего системного построения, обратим внимание еще на два обстоятельства, одно из которых не будет иметь отношения к этой задаче. Речь об оставшихся двух позициях, обозначенных пунктами 2) и 3) как объекты и местообъекты (2) и промежутки, отрезки времени (3), находящие зна-

чимое отображение в материале примеров. Вторым обстоятельством к рассмотрению будет не системное, в основе своей, рассмотрение того, что содержат другие примеры, для такого начала с птицами, и не с аистом на сей раз.

Начнем с объектов и мест, опять же не в полном их виде для поверий-примет, а только в том, который дает себя обнаружить в рассмотренном материале с аистом. Были выведены для этих объектов четыре возможные основания: а) то, что в доме и имеет свое отношение к дому, как внутреннему, защищенному, обжитому, освоенному и более или менее постоянному местообъекту пребывания и нахождения в нем человека, включающему как содержащее в свой состав целый ряд других объектов и местообъектов; б) то, что связывается с находящим свое отражение в примете или поверии существом, как характеризующая его составная часть либо что-то другое; в) то, что является внешним, не будучи непосредственной составляющей создаваемого мира людей, какой-то пространственно внешний объект, элемент пейзажа, доступный для наблюдения, восприятия, нахождения в нем либо при нем; г) то, что, не будучи домом и к дому не относясь, вместе с тем было создано человеком, составляя, тем самым, элемент и часть организованного им и освоенного пространства. Четыре выделенных таким образом основания имеют свое отношение для рассматриваемого материала поверий-примет – к человеку, в пунктах (а) и (г) и к тому существу, в рассмотренных случаях к аисту, которое в пунк-

те (b) симметрично, а в пункте (с) совместно по отношению к человеку.

Обращаясь к первому основанию (изба, труба, дом, колыбель, ребенок, как находящийся в доме объект, обгорелое полено), необходимо иметь в виду (впрочем, это будет касаться также всего остального), что речь пойдет об этих объектах в их приложении к тому, что находит свое отражение, как значимое, в материале примет и поверий. Иными словами, *изба* – это не столько, точнее не только, общеизвестное место как такового жилья для людей, сколько, в примере, тот и такой местообъект, над которым, в поверии, пролетая, аист отмечает в ней ожидаемые роды (*Над чьей-либо избой пролетит – к родам*). Из чего будет следовать соответствующее представление об этой самой *избе*, но не в отдельности, а в связующем отношении со всем остальным – *трубой, домом, колыбелью, ребенком, обгорелым поленом*. И опять же, затем и впоследствии, все это, то и другое, таким же образом должно будет связываться с теми объектами, которые отображаются во всем материале, в им свойственных и следующих из поверий значениях, независимо от того, будут ли они повторяться в обозначающих их названиях (*изба, дом, труба* и т.д.) либо нет.

В разбираемом отношении и смысле *изба* должна была бы предполагать такое место нахождения в ней человека, которое допускает регулярно себя проявляющую возможность его появления на свет и, что за этим стоит, количествен-

но-числовое увеличение данной семьи и, шире, данного рода, общины и пр. Был бы это тогда, для *избы* в ее локативе генеративно-амплификативный, применительно к человеку, аспект. *Труба*, в которой аист может свивать гнездо, что приносит счастье с богатством, отмечала бы, будучи также при этом внешней и верхней частью избы, возможность отмеченного контакта с потусторонним, тем, от которого может и будет зависеть, для разбираемого случая, благополучие. Следует при этом также иметь в виду, что не через посредство трубы и вместе с тем аиста, свившего в ней гнездо, данное благополучие приходит, аист с гнездом в трубе лишь отмечает подобное состояние, реализованное как таковое и реализуемое для человека в каком-то будущем. Тем самым, труба, равно как и аист с гнездом, становятся двумя концами общего отношения передачи, не благополучия как такового, но сообщения, предсказания о нем. Видеть это можно, с точки зрения трубы, как коммуникативно-реляционный или, применительно к данному случаю, коммуникативно-перцептивный аспект избыного, в трубе себя проявляющего для живущих в избе, положения.

В отношении *дома*, понимаемого и представляемого в примерах шире, чем перед этим рассмотренная изба, первое, на что следует обратить внимание, это на то, что дом фигурирует не столько как соответствующий местообъект, сколько пространственно реализуемый и обнаруживаемый аспект человеческого как такового бытийного состояния. Напом-

ним примеры с подобным образом себя воплощающим домом: *Если аист перенесет гнездо с одного дома на другой – к беде. Кто разорит гнездо аиста, в особенности же убьет его детей, тот навлечет на себя и на свой дом целую череду несчастий, среди которых могут быть пожары и смерти. У того, кто разорит аистинное гнездо, аист сожжет дом или унесет из колыбели ребенка, а вместо него положит обгорелое полено.* Беда, череда несчастий, пожары и смерти, сожжет (дом), унесет из колыбели ребенка, – объединяет все это проекция определяющих жизнь человека экзистенциальных его состояний с позиции а) поражения, нарушения защищенного безопасного проживания и привычного строя, б) в последовательно нарастающих фазах, начинающихся от *беды*, с усилением в *череде* не отпускающих человека *несчастий*, с переходом к уничтожению и прерыванию жизни в *пожарах*, *сожженном* доме и *смерти* и в довершении прерывания не только жизни, но и родового семейного его продолжения в *унесенном из колыбели ребенке*. *Колыбель*² в данном случае также значима как проекция к этому родовому семейному продолжению, будучи содержащей формой начала его. В категориальном своем значении это был бы, для колыбели, контентный инцептив формата прогнативного (генеративного) провектива^{4*}.

С учетом всего перечисленного характеризуемый *дом*

⁴ * Лат. *prōvehō*, *-vexi*, *-vectum*, *-ēre* ‘подвигать, вести дальше, увозить (уводить) вперед’.

можно было бы определять, если шире и обобщеннее, не концентрируясь исключительно на поражающей стороне, предполагающей беды с несчастьями, вплоть до уничтожения и смерти, с исчезновением в том числе из колыбели детей, поскольку для дома возможным будет также другое, – определять его можно как форму (также как *колыбель*), вбирающую в себя и в себе содержащую (признак контентности) возможность реализации, проявления сопровождающих жизнь человека бытийных его состояний. И тогда это был бы, в категориальном своем проявлении, для человека, его экзистенциональный контент-форматив.

Ребенок, как находящийся в доме в своей колыбели объект, пребывания в нем и при этом подмены, с этой второй своей стороны, (поскольку она себя проявляет в примере), в соотношении с разоренным аистинным гнездом фигурирует в виде "сожженного" (при *обгорелом полене* и в соответствии с ним), а тем самым прерванного, если точнее, то вырванного, поскольку аист его *унесет*, прогнативного абрептивного^{5*} формата. Его замещением, выражающим вкладываемую во все это идею сжигания, становится *обгорелое полено* как то, что вместо живого и продолжающего жизнь родового семейного естества (в унесенном ребенке), не будучи при

^{5*} Лат. *abrīpio*, *-rīpui*, *-reptum*, *-ēre* [ab- + rapio] 'поспешно уносить, утаскивать, тащить, насильно уводить, вырывать, исторгать, отрывать, отторгать', 'грабить, похищать, умыкать, похищать'; III *a-*, *ab-*, *abs-* приставка со смыслом (в одном из своих значений) отделения, отсекающая; *rāpio*, *rāpui*, *raptum*, *-ēre* 'хватать, вырывать, выхватывать', 'быстро уносить', 'уводить, похищать, умыкать, угонять'.

этом ни живым, ни мертвым, но тем, что колода, без продолжения, следовательно, и возможности преодоления, лежащая "поперек" развивающему экзистенциальному продвижению, становясь выражением в ней заложенного аболитивно-стагнативного смысла по отношению к нему. Прервется и остановится, обгоревши, будучи обожжено, в ребенке себя проявляющее витально-экзистенциальное продолжение рода.

Способностью к осуществлению этого становится аист, который при родах, в полете своем над избой, выступал как знак, как несущий весть, сообщающий, об ожидаемом рождении человека, его появлении на свет (упомянутый инцептив прогнативного провектива), с трансмиссивной функцией аиста в этой роли. В обратном случае, с прерыванием в унесенном из колыбели ребенке и подменой его обгорелым поленом, аист становится агенсом, реализующим производителем аболитивного стагнатива по отношению к прогнативному провективу. Тем, кто не передает и не сообщает, а производит, осуществляет указанный стагнатив. Таким образом, в аисте можно заметить заложенную в нем идею, применительно к экзистенциальности человека в ее продвижении, порождаемом в том числе, с одной стороны, – трансмиссивной способности об ожидаемом продвижении сообщать, а с другой стороны и обратной, – осуществляющей, производящей, продуцирующе-акциональной, способности данное продвижение останавливать, "обжигая" и прерывая

его. В случае нарушения человеком иного экзистенциального состояния (в аисте).

Гнездо применительно к аисту, возможное также в своих значениях для других животных существ, в первую очередь птиц, но не только, — в приведенных примерах определяет себя в отношении а) места, где его аист совет, обычно при доме, в трубе, т.е. в соединении и контакте с жильем человека, б) места, которого держится аист, не улетаая в каких-то случаях от него далеко либо кружась над ним в совокупном каком-то числе, с) места, из которого находящиеся в нем птенец и яйцо могут быть аистом, при ожидаемом голоде, будучи выброшены, удалены, d) родового места для аиста, которое может быть человеком разорено, а находящиеся в нем птенцы убиты. Перечисленные в пунктах проекции предполагают картину аистинного родового места, предполагающего его продолжение в своих птенцах, в его непосредственной близости и прямом соответствии с таким же местом родового жилья человека. Можно предполагать, что данное положение составляет специфику гнезда аистинного, отмечая тем самым для человека, поскольку о человеке, а не об аисте следует говорить, параллельную, соотносимую, поддерживающую и резонирующую смысловую линию ранее выведенного экзистенциально-витального прогнативного провектива.

Определяющую идею такого поддерживания и соположения можно усматривать в том, что аист в таком своем прояв-

лении выступает по отношению к человеку позицией иного и рядом стоящего мира, – то, что видится в аисте и производится им, становится отражением и одновременно поддержкой невидимого для человека экзистенциально-витального его состояния, укрыто-обратной стороной его бытия. То же самое можно видеть в идее яйца и птенца, проецируя то и другое не только к прогнативному провективу (в примерах с разорением гнезда и убийством аистиных детей), но и в идее так называемого "лишнего рта" при ожидаемом голоде, с выбрасыванием аистом из гнезда своего яйца и птенца, в знак ожидаемого состояния, при котором избытка не будет и еще один рот для кормления не проживет. Это было бы отражением выведенной ранее недостаточности, застывания, останавливания, в проспективности дефектива (*ProsperDefect*, голодный год, продолжительный голод).

Обращая данное положение к аистиным гнезду, яйцу и птенцу, следует говорить, в отношении упомянутого к кормлению "рта", применительно опять-таки к человеку, о значении притязательности, претендентности, алиментатива (*AssumptAliment*), гнездо для которого фигурирует как место, а яйцо и птенец – как субъекты такого значения, входящего как одно из возможных в состав категориальных значений выведенной ранее витальности продолжения (*VitProlong*, ребенок).

Указанная претендентность алиментатива, в рожденном ребенке, появившемся в роде еще одном человеке, находит

свое отражение, передаваясь в аисте, через представление им отмечаемого голода, который наступит. Для той системы, которая складывается на основе рассматриваемых примеров, значение это оказывается не непосредственным и удаленным. В примерах последовательно находит свое отражение упомянутая просперитивность с проекцией к недостаточности (*ProsperDefect*), но нет как такового значения связываемого с этим алиментива и представления о детях как тех, кого следует, выращивая и поднимая, кормить, для чего необходимым становится очевидный недостаток. Значение это скрыто, не прямо и воплощает себя через все ту же аистиную параллель. То, что имеет свое отношение к человеку, передается в своем повторении посредством обозначающего данное положение аиста.

Что касается представления о стаях применительно к аистам / аисту (*Если в течение лета аисты часто собираются в стаи и кружатся, то наступающая осень будет холодная и ненастная*), то, привязывая это к отображенному происходящему, – в том, что аисты *собираются* в стаи, то, что *часто*, что *в течение лета* и что *кружатся*, применительно к признакам наступающей осени, можно усматривать их подготовку к отлету, его предварение, для значения стай, определяя ее как проекцию организуемого, собираемого избегания, ухода от состояния, содержащего в себе, себя выражающую потенциально погодой, опасность для них. *Стаи* становятся средством организованной совокуп-

ной защиты – для аистов, а с перенесением к человеку, знаком необходимости быть готовым, в совокупности собственных "стай", к атмосферно-погодному изменению в наступающей осени с ее переходом к ненастью и холоду. Было бы это значением защитного, в объединении, избегания атмосферно-природного, в ненастье и холоде, отступления и понижения, *Defens(CongressEvit) <--> TempestAer(Regress)*, что можно также в его обобщении воспринимать, вне природности и атмосферы, как средство так называемой коллективной защиты – конгрессивного дефенсива, с его вероятной проекцией к тем или иным положениям.

Что касается *сухого* или *мокрого места*, одного из которых держится аист, согласно примете, в погожий день, и что далее связывается с тем, что *такой же* или *ненастной погоды* следует на *другой день* ожидать, стоит задуматься над вопросом определяемых в данном примере соотношений. Складываются они в такую картину:

Погожий день – сухое место пребывания аиста > *Погожий день*

Погожий день – мокрое место пребывания аиста > *Ненастная погода*

Значимым видится то, что, если аист выбирает *сухое место*, то погода следующего дня не меняется, оставаясь такой же. Изменения ее в ненастную сторону следует ожидать при выборе им *мокрого места*. О симметричности при этом не приходится говорить, поскольку не проявляется это в обрат-

ную сторону, во всяком случае материал чего-то подобного не содержит. Иными словами, при допущении, что аист при ненастной погоде выбирает мокрое место (либо сухое, но тогда возникает вопрос, на который ответа не получаем, – где, под каким-то навесом?), и при таком его выборе погода другого дня остается такой же, т.е. ненастной. В силу сомнительной вероятности выведенных таким образом обстоятельств, остаемся при том, что в примере сказано. И тогда, рассуждая последовательно, что себя в нем проявляет – то, что погода другого дня будет такой же, как дня сегодняшнего, который погожий, при выборе аистом сухого места, или то, что, поскольку место сухое, то и наступающий день ожидать полагается также погожим, т.е. сухим? В связи с чем, почему в этом случае, равно как и в противоположном, аист выбирает место, которого держится? Связывается это с его предчувствием либо ориентированностью к погоде другого дня?

Поставленные вопросы, однако, можно не разрешать, предполагая, что аист – такое живое животное существо, которое, внутренне определяясь к погоде, в силу своей перелетности (прилетает весной, отлетает осенью), равно как и в силу своих обусловленных необходимостью пропитания и открытого бытования проявлений, обладает способностью, не предчувствовать ожидаемое в наступающем дне, что не исключается, однако не в этом дело и не об этом, собственно, речь, а о его добывающем, скажем так, повторении. Сегодня

погожий день и такой же день будет завтра – и аист держится сегодня сухого места в этой связи потому, что то и так, как ему предстоит делать завтра, иными словами, также в сухую погоду себе пропитание добывать, ибо для этого, собственно, он того или иного места и держится, – то и так ему делать следует также сегодня. И наоборот, если завтра погода будет ненастной и, возможно, что и пропитания не придется особенно добывать, то находиться и пребывать сегодня придется, раздобывая себе питание, на мокром месте. Не определяя все это к осознанию аистом, следует видеть в этом то, что можно усматривать как барометральную в нем природу, которая связывается не с тем, что погода им чувствуется для погоды, а с тем, что, в зависимости от ее колебаний и изменений, меняется, точнее поворачивается его направляющая приспособленность к ней, в отличие от человека, с упреждением, заранее, а не в данный происходящий момент.

Все перед этим сказанное дает основание и возможность определить семантику *сухого* и *мокрого места* в рассматриваемой общей системе, применительно к аисту и, что необходимо добавить, с проекцией к человеку. Человек видит, что аист держится сухого места в погожий день, либо мокрого места, но также в погожий день, получая тем самым возможность предположить противоположные погодные обстоятельства другого дня в зависимости от избираемого аистом места. При таком положении *сухое место* следует воспринимать как локус своей временной идентичности

(*LocTemp(est)Ident*), понимая под тем, что локус этот не просто место где-нибудь на земле, но место проекции времени в смысле времени, или *Temp*, сегодня, завтра, перед этим, после и пр., и времени в смысле погодного промежутка времени, или времени, связываемом с проявлением в нем той или иной погоды, в показателе *Tempest*. *Сухое место*, к тому же и не обозначенное, то ли любое сухое место, но, может быть, и не любое, а соответствующим образом значимое, в смысле *Temp(est)Ident*, отмечает неизменение погоды *Tempest* во времени *Temp*. Место это во времени и в погодном времени притягивает аиста в его сегодняшнем дне, с его барометральной природой, и по этой причине он его держится, добывая себя пропитание сегодня так, как будет то же самое делать и завтра. В свою очередь, *мокрое место*, исходя из сказанного, необходимо рассматривать как локус, такой же проекции времени и погодного времени, предполагающей наступление изменений, или *LocTemp(est)Mut*.

Уточнения категориальной семантики

Картина, однако, была бы неполной, поскольку не все возможные показатели учтены. *Сухое место* становится местом проекции идентичности к темпестативности открытого верха в нем, т.е. *LocTemp(est)IdentAer(ApertSurs)*. В то время как мокрое – местом проекции ожидаемого изменения от открытого верха к его отступлению, отходу в ненастной погоде – *LocTemp(est)MutAer(Regress)*. Получившийся результат подтверждает системную обоснованность показателя от-

ступления, отхода, *Regress*, в отношении к открытости верха, *ApertSurs*, для темпестатива аэративности, в его также, далее, соответствии и переходе к темпестативности вегетатива (лето, осень, зима, весна).

Из представленных связанных с аистом мест остается крест в примере *Если аист сидит на кресте, то следует ожидать дождливых часов*. Интересно и, видимо, не случайно то, что определяет это себя словами в виде *дождливых часов*, не *дождя*, не *к дождю* либо как-то еще иначе. Не означает это также, что на другой день, во второй половине дня (если утром сидит) или к вечеру. Время точно не определено, и не в нем, не в конкретно обозначенном времени здесь причина. Необходимо видеть соположение дождливых часов к кресту, определяемых в этом их соположении через посредство аиста. Можно бы было задумываться также над тем, какой, собственно, крест следовало бы иметь в виду — на церкви, часовне, на кладбище, на перекрестке дорог, где-то еще? Однако не это видится важным. Крест можно в этом случае понимать как отмеченное им место пересечения и вместе с тем какого-то центра вхождения и одновременно закрытия входа и перехода, но не в пространство и сторону какого-то иномирия, а в пространство все той же во времени себя объявляющей темпестативности, о которой не раз была речь. Отсюда не дождь, не дождливая погода, но *часы*, которых следует ожидать, а *дождливые* потому, что в этом крестом отмечаемом месте себя проявляет открытость

верха к низу, темпестативность аэративности нисхождения, ниспускания, открытости книзу (*TempestAer(ApertDeors)*), реализуемая в водах небесного верха, дожде, определяясь крестом потому, что в нем отражает себя пересекающая горизонтальное расположение (земного, среднего мира) вертикаль небесного верха. И тогда, с одной стороны, аист своим сидением на кресте подобное положение, сверху спускаясь на крест, отмечает, а с другой стороны, *крест* становится, может, не столько местом, *Loc*, сколько позицией, верха в его отношении к низу, *Pos(Surs↔Deors)*, не обязательно и не только с представлением ожидаемой открытости (верха низу), что будет возможным случаем, характеризующим соответствующим временем, *Temp*, и природно-погодным его промежутком, *Tempest*, для креста с сидением на нем аиста в разбираемом примере.

Наметившие себя соответствия и подключения объектов и мест на примерах с аистом в их отношениях к выведенным ранее основаниям проекций в повериях с приметами человека, таких, как витальность, просперитивность, темпестативность, а также других, пока что не обозначенных, предполагается показать в последующем, при большем числе возможных примеров. Так же как и оставшиеся не рассмотренными, в силу того, что на материале с одним только аистом их можно было бы слишком обобщенно и не основательно характеризовать, промежутки вегетативного и другого какого-то времени (лето, *в течение лета*, весна, *весной*, осень,

наступающая осень, зима, будущая зима; Спас, до Спаса). То и другое станет предметом дальнейшего рассмотрения.

Идя в алфавитном порядке по птицам, отображенным в источнике, обратимся теперь к воробью:

Воробьи гнезда выют – к вёдру.

Воробей кричит – к дождю.

Воробьи купаются в пыли и щебечут – к дождю.

Зимой воробьи чирикают – к снегу.

Воробей влетит в дом – либо к малосодержательным вещам или к посетителю, либо к несчастью.

О семантике воробья в разбираемой системе

Первое, что можно заметить в отношении воробья при его вполне понятном отличии от аиста³, это то, что основное число примеров относится к показателям темпестативности, т.е. атмосферно-погодным, и только один, последний, получает свое отношение к человеку, не случайно при этом в позиции *влетит в дом*. Его отношение к человеку производит-ся, следовательно, через отношение к дому. Иными словами, через его опосредование. Еще одно замечание будет касаться числа. Множественное число, *воробьи*, дает в основном положение первого вида (за исключением второго примера). Атмосферно-погодное проявление их поведения имеет тем самым в своем предпочтении коллективно-совместный характер. Единственное число, *воробей*, то, что к человеку и дому, связываясь с тем, что *влетит* (сомнительно, чтобы в дом воробьи влетали вдруг целой группой), проецирует не

атмосферно-погодный ряд показателей.

Имеет смысл обратить внимание, прежде чем определить рассматриваемые позиции категориальных значений, на то, что находит свое отражение в отношении воробья в левой части примеров, связав это, может быть не прямо и непосредственно, с *воробьиным* числом. В этой левой части находятся нормативные и наблюдаемые в своей регулярности представления о том, что *воробьи – гнезда выют* (важно при этом, когда они это делают, прежде всего весной), *купаются в пыли и щебечут*, т.е. щебечут, купаясь в пыли, *чирикают*, с добавлением *зимой*. Из чего получается, что если *чирикают* не зимой, то из этого ничего особого может не следовать и каких-либо перемен в атмосфере с погодой не предполагается. И еще одно, к нормативному и наблюдаемому, при единственном (случайно или не случайно?) числе: *воробей – кричит*. Не один воробей не кричит? Совместно они не кричат, а щебечут? Или совместный их крик уже был бы не крик, а шум и гам? Трудно себе представить, чтобы воробьи в каком-то числе вдруг кричали, очевидно, не так это следует определять.

Выходящим за рамки привычного наблюдаемого для воробья / воробьев будет последний пример – *Воробей влетит в дом*. В силу такой нетипичности подобное *воробьиное* проявление должно определять что-то значимое для тех, кто в нем проживает. При этом важно ли, что *воробей*, а не другая какая-то птица? Для сравнения приведем такие примеры

источника, также с нетопырем, в своем проявлении напоминающим птицу:

Если в дом в растворенное окно влетит голубь – к несчастью: либо кому-нибудь в доме умереть скоро, либо быть пожару.

Если ласточка влетит в дом через окно, а вылетит через дверь, то быть в доме покойнику, так как ласточка на своих крыльях принесла смерть и оставила ее в доме.

Нетопырь залетел в дом – к беде.

Дикая птица, залетевшая в окно, предвещает покойника или большое несчастье.

Синица бьется в окно и влетит в дом – нужно ожидать большого несчастья.

Как можно заметить, возможное появление в доме влетевшего воробья не исключает такого же появления в нем голубя, ласточки (с существенным уточнением – *влетит в дом через окно, а вылетит через дверь*), того же нетопыря, дикой птицы (вопрос какой? сомнительно, чтобы большой или хищной, типа коршуна, сокола или совы), синицы. Во всех этих случаях такое вторжение птицы в дом человека, с ее позиции неприятное и случайное, если не драматическое, ничего хорошего также и для него не сулит – смерть, несчастье, и при этом большое, пожар, беда. Это, следовательно, своего рода общее место. Нарушение птицей пространства, для человека защитного, внутреннего и своего, становится знаком его ожидающего прорыва – экзистенциального состо-

нения в этом пространстве. Защищенность пространственности существования и бытия (дом) соотносится с защищенностью экзистенциально-бытийного пребывания в нем (отсутствие несчастий, смертей, пожаров и бед), а нарушение одного становится знаком такого же нарушения для другого.

От обобщающего представления с влетанием какой-либо птицы в дом переходя к воробью, с тем, чтобы увидеть его в приписываемой ему при таком повороте специфике, первое, что можно отметить, это возможность неравнозначного выбора. *К малосодержательным вестям или к посетителю*, с одной стороны. *К несчастью* – с другой. В первом случае, исходя из рассмотренного в отношении других выбранных птиц, можно было бы говорить о специфичности собственно воробья. Воробья, иными словами, как воробья. Во втором воробей – это малая птица, влетевшая в дом, как ласточка или синица, а также голубь или нетопырь. Иными словами, влетевшее существо, нарушившее защитное в доме пространство. Как птица, влетает в дом воробей *к несчастью*, хотя не так, чтобы большому, в отличие от других в дом влетающих птиц. Как воробей, – к чему-то принципиально иному, что вместе с тем отмечает пересечение чем-то и кем-то домовых границ. Какой стороной обернется в этих двух случаях воробей, того и следует ожидать. Будет ли это зависеть от вероятности правильного распознавания воспринимающим(и) той либо другой стороны воробья или от внутренней предрасположенности собственно в доме в данный пе-

реживаемый момент, с ощущением того, что более вероятно для дома – пустые вести, приход посетителя или несчастье, – следует понимать как неоднозначный и ситуативный вопрос, предполагающий соединение того и другого. То, что составляет специфику воробья, обращается вокруг его, в том числе коллективной, не так чтобы значительности: вести *малосодержательные*, посетитель – дело обычное, особого напряжения не требующее, несчастье, но не говорится *большое*. И тогда вёдро, дождь, снег ложатся в том же ряду. Нечто, что производится воробьями, заметное и замеченное, в какой-то со временем связываемый момент (когда выют гнезда, когда кто-то один из них закричит, когда купаются в пыли и щебечут, когда зимой зачирикают), предполагает в своей проекции смену погодного времени. Погодное время действует, объявляя себя через них. Указывается при этом, как ожидаемое в своем открывании состояние, передаваясь с помощью всякий раз повторяющегося предлога *к* – *к вёдру*, *к дождю*, *к снегу*. Равно как, и тогда также как начинающее себя объявлять состояние, – *к малосодержательным вестям или к посетителю, либо к несчастью*.

О посредующей стороне отношения к человеку птичьего, и не только птичьего, существа

Помимо выведенной и встречавшейся ранее темпестативной аэративности, с ее значениями раскрывания наверх (вёдро), *TempestAer(ApertSurs)*, либо книзу (дождь, снег), *TempestAer(ApertDeors)*, в последнем примере, с влетани-

ем в дом воробья, наряду с витальностью в ее показателе утрачивания, отступления, отхождения, *VitAmiss*, при несчастье, также себя перед тем обнаружившей, – появляются новые смыслы. В виде семантики еще одной категории – коммуникативности (*Commun*), в значениях незначимого (мизеративного) узнавания (малосодержательные вести), *CommunContent(RepertMiser)*, и поддерживающего посещения, прихода (посетитель), *CommunContent(Ingress)*.

Оставляя на время вопрос о возможном обобщающем представлении категорий и их значений, которые себя обнаруживают в примерах с их отнесением, если это позволит сделать материал, к отражаемым в повериях и приметах живым существам в их вероятных группах и разновидностях (птицы, животные, насекомые – в каких-либо получаемых типах), стоит отметить еще одну представляющуюся немалозначимой особенностью для предметного мира поверий-примет. Определяет она ощущаемое (концептуальным и перцептивным Субъектом данной культурно-ментальной традиции) отношение к обозначаемому животному существу в его позиции к предсказанию. Иными словами, то, что следует ожидать как называемое в правой части (*к родам, к счастью и богатству, ненастной погоды, дождливых часов* и т.п. для аиста, *к вёдру, к дождю, к снегу, к малосодержательным вестям* и т.п. с воробьем), – приносит, способствует, предчувствует или же обращает (*Apport, Succurs, Praenunt, Advers*), в отношении к реальности данного называемого состояния,

данное животное существо. А поскольку равным образом может быть как что-то одно, так и что-то другое из четырех допустимостей, также как и неизвестно, что именно, имело бы смыслом внимание этому уделить. Обратимся к примерам пока что с одним только воробьем, поскольку об аисте было сказано много, с тем чтобы дальше, на примерах с другими птичьими представителями, данный вопрос, затронув, по мере возможности каким-либо образом отразить.

Вопрос, о котором речь, в отношении воробья выглядит следующим: то, что *Воробьи гнезда вьют*, означая *к вёдру*, есть следствием того, что они приносят (*Apport*) вёдро и тем самым способствуют (*Succurs*) его появлению, предчувствуют (*Praenunt*) вёдро или же обращают (*Advers*) его к проявлению в соответствующем времени? Рассуждая логически и исходя из имеющихся представлений об окружающих человека живых существах в их отношении к погодным либо природным явлениям, наиболее вероятным было бы предположить показатель *Praenunt* – предчувствие. Поскольку в ближайшее время следует ожидать хорошей и ясной погоды, самое время для воробьев заняться строительством гнезд, которое требует, с одной стороны, того, чтобы материал, из которого гнёзда, был сухим, а с другой, ненастье не затрудняло бы соответствующих действий. Того же признака, *Praenunt*, следует ожидать при дожде и снеге, отмечая попутно, что то и другое предполагает для воробьев проявление в оживляющем издавании звуков – *Воробей кричит, Воробьи*

купаются и щебечут – то и другое к дождю, зимой чирикают – к снегу.

Все эти примеры иллюстрируют то, что можно считать открытостью воробья, воробьев, к погодно-природному верху, определяя их в соответствующем положении применительно к объекту нашего описания – понятийно-предметному миру поверий-примет. При сопоставлении с другими птичьими и животными существами данное положение предстоит уточнить.

Остается выяснить то, что в последнем, четвертом, примере с влетанием в дом (одного) воробья означало нечто принципиально иное, с погодой-природой не связанное. Малосодержательные вести, приход посетителя либо несчастье влетевший в дом воробей приносит, способствует, предчувствует или же обращает (в их отношении к данному дому)?

Представим себе, как это может действовать. Наиболее вероятной видится следующая картина. Нечто, что реализует себя в первом, втором или третьем – вести, посетитель, несчастье, – можно предполагать как созревшую либо созревающую заряженность предрасположения или готовности, если не осуществленности в реальности времени, временного, если точнее, состояния, данного положения по отношению к дому и вместе с тем вне его. Вне его, поскольку вести, посетитель, а также, в определенном смысле, несчастье, суть то, что приходит, привносится, постигает и посещает дом. Несчастье – в определенном смысле по той причине, что в

доме, внутри его, может быть, точнее может сложиться, какая-то предрасположенность, какое-то нарушение, неравновесность, пробой, которые, будучи чем-то из перечисленного, открывают тому, что являет себя как несчастье, к дому и в дом проход, делая его незащищенном, не целым. Не только открывают при этом, но и притягивают. В отличие от вестей и от посетителя, исходное место которых по отношению к дому следует видеть как внешнее.

Воробей, влетая в дом, осуществляет данное действие потому, что открывшееся во времени, окружающее дом и направляемое к дому, пространство, втягивает его в свою эту сквозную открытость, как в своего рода трубу и тоннель. Влетает он в дом потому, что между внешней воздушностью атмосферы и тем, что ведет в своей атмосферно-воздушной протянутости, направляемой к дому (можно бы было сказать, атмосферно-воздушной, но, скорее какой-то энергетической, назовем это так за неимением чего-то более подходящего), – между той и другой отличия теперь нет. Не чувствует он, влетая в дом, такового отличия. Но это с одной стороны. С другой, получившийся в результате движения извне по направлению к дому проход, при вестях, посетителе, а также несчастье, отсюда их близость в поверии с воробьем, втягивает его своим устремлением, как воздушным потоком, в себя, внося его вследствие этого в дом. Подобного рода действие, точнее воздействие на воробья, со стороны ожидающихся вестей, посетителя или несчастья, можно видеть,

определяя его (с позиции воробья) как то, что он это с собой, в дом влетая, приносит (*Apport*). То, что вести, по характеристике их в примере, *малосодержательные*, и сюда же можно было бы отнести посетителя, хотя не несчастье, связывать можно с самим воробьем, воспринимаемым в народной традиции, без углубления в тему, не слишком серьезно. Поскольку несчастье, в отличие от первого и второго, вестей с посетителем, не ложится в ряд не слишком серьезно-го объявления в доме, серьезность его можно усматривать в том, что было отмечено в виде двойственности предрасположения для него – в самом доме, в первую очередь, с притягиванием несчастья извне, во вторую. Несчастья ли следует ожидать или малосодержательных вестей, посетителя, с указующим на это влетанием в дом воробья, – на это будет указывать ощущаемая в доме предрасположенность в виде сгущения в нем соответствующей энергетики с ее атмосферой. И тогда видятся два направления действия на приносящего с собой нечто в дом воробья – от того, что вне, к тому, что внутри (*вести и посетитель*), и от того, что внутри, к тому, что вне (для *несчастья*). Первое действие, пользуясь образным представлением, потому как иначе нельзя объяснить, гонит в спину, вдувая в дом воробья в его влетающем лете. Второе – втягивает его внутрь в себя. Так, как своей открытостью предрасположенности в доме, притягивает ожидающееся к осуществлению несчастье.

О вороньем месте в системе

Рассмотрим теперь для дальнейшего сопоставления аналогичные примеры источника с вороном и вороной. В отличие от воробья оба эти представителя птичьего мира показаны более разносторонне и обстоятельно. Большее число единиц дается при аисте. Для начала примеры при вороне попробуем каким-либо образом сгруппировать. Оттолкнемся при этом от его наблюдаемого проявления, полагая, что именно данный признак должен о чем-то свидетельствовать. Наибольшим числом представлено карканье ворона, что служит свидетельством определяющей для человека его характеристики. Все остальное, а именно черный цвет, величина, способ передвижения по земле, т.е. хождение, важное, размеренное, вышагивающее, не спешащее, черный блестящий глаз, направляемый при взгляде изучающе-ироническим отстраненно-сверлящим и вперенным образом на человека, не избегание его и отсутствие боязни перед ним, предполагающие довольно близкое расстояние между обоими, – все это, несомненно, влияя, по понятным причинам в примерах не отражено, воплощаясь в том, чем есть для сознания человека ворон. Иными словами, в самом вербальном обозначении для него, по принципу, коль скоро *ворон* – то это такая-то и такая-то всем известная птица, с включением представления того, как он выглядит, как ходит, как смотрит и пр. Однако при восприятии правой части примеров данное положение необходимо иметь в виду. Свидетельством сказанному может служить уже первый пример из источника (единствен-

ный, к слову сказать, отражающий способ его земного, а не воздушного передвижения):

По дороге ходит – к ворам.

Можно бы говорить о подобии чисто внешнем при звуковом оформлении: *ворон – воры, к ворам*, подобно тому как *вор-воробей*. Однако не только в этом определяемое существо предмета, поскольку не просто ворон как таковой, а *По дороге ходит*. В связи с чем своим значением здесь себя объявляет *дорога* и то, что ворон ходит по ней, и то, как это делает. Как ворон, вышагивая и высматривая, словно примериваясь и намереваясь, и одновременно с этим, но не протаптывая и открывая тем самым, а отмечая дорогу-путь, по которой ворам в дальнейшем идти, хотя, может быть, и не по которой. И тогда только намечаемое и промериваемое ворам направление, их движение-путь, без данной дороги, но в отношении дороги к дому как таковой.

Вернемся, однако, к карканью, заявленному в начале, отметив попутно, с учетом приведенной дороги, неположительность предсказаний, а точнее было бы говорить предначертаний, определяемых при вóроне. Карканье ворона, в любом из проявленных случаев, ничего хорошего не сулит. А что может сулить, будет зависеть от сопровождающих обстоятельств. Рассмотрим под этим углом примеры с карканьем ворона в порядке, отраженном в источнике:

Сидящий на кровле дома, в котором есть больной, и при этом кричащий, предзнаменует больному смерть.

Смерть, о которой речь, отмечается в соединении а) того, что есть в этом доме *больной*, б) того, что ворон при этом в какой-то момент, не обозначенный, но подразумеваемый как имеющий отношение к приближению смерти, не раньше, не позже, фигурирует как *Сидящий на кровле дома*. Важно при этом то, что *на кровле*, а не где-то еще, отмечая позицию данного дома сверху (откуда может спускаться смерть, приходя, согласно некоторым представлениям о ее появлении) и кровлю как крышу, через которую вылетать душе и вместе с тем крышу как крышку гроба – домовины, дома вечного успокоения и успения для умершего. И, наконец, еще одно – с) сидящий на кровле дома ворон видится наблюдающим, а точнее слышится, как *кричащий*. Интересно и показательно то, что не каркает, как привычно было бы издаваемые им звуки воспринимать, а *кричит*, – проявление акцентуемое, с большей силой и протяженностью.

Более общим и менее потому разработанным в обстоятельствах будет выглядеть еще один сходный пример, в котором наблюдается и определяется *Ворон на крыше дома – к покойнику или к разорению*. Без крика ворона и без того, что можно воспринимать как сидит, т.е. само его расположение на крыше, при допускаемом выборе, предполагающем либо покойника (в данном доме, как следует понимать), либо разорение, также данному дому, живущим в нем. Ворон, тем самым, становится ориентирующим показателем ожидаемого, надвигающегося, потенциально уже состоявшегося, по-

ражения и ущерба для дома. Само его появление сверху, *на крыше, на кровле*, вне зависимости от дополняющих обстоятельств, это сулит.

Вне отношения к дому картина предсказываемого карканьем ворона существенным образом не меняется. Здесь возможны такие расположения:

1) Карканье как таковое, без сопровождающих обстоятельств, – *Карканье ворона предвещает непогоду или несчастье*. Опять отмечается выбор, который может быть ситуативен, к чему проявляется расположенность и чего, тем самым, скорее следует ожидать, к чему себя следует подготовить. Возможно, что определяется это по ощущению – что более чувствует человек, атмосферно-погодное или экзистенциальное изменение к худшему, какой ожидается переживаемый внутренне поворот. Либо, что также вполне вероятно, проживаемая ситуация, ситуативное положение, если точнее, склоняют субъекта принять *непогоду*, к тому же при видимых и ощущаемых знаках чего-то во внешнем, или *несчастье*, при ощущаемых представлениях об этом, их значимой силе и весе и возможном отсутствии знаков для изменений погоды.

2) Карканье при человеке, сопровождающее его, в таком интересном примере: *Каркнет над головой – худой признак: тут непременно бранят его. Каркнет, и над головой один раз. Это первое. Бранят* того, над головой которого каркнет. Это второе. А интерес для анализа ворона представляет то,

что выражено при посредстве наречия *тут*, с усилением к *непрерывно*. Понимать это *тут*, видимо, следует в отношении места — где-то поблизости нахождения, пребывания человека в данный момент, и этим местом было бы его положение не в доме. Ворон, почувствовав (пусть будет это *почувствовав*, без каких-либо на данный момент уточнений) производимую брань, то, что бранят того, кто находится рядом, а бранят, очевидно, в каком-то доме, если не во дворе, поскольку сомнительно, чтобы на улице, — почувствовав это, ворон ориентируется в своем направлении при полете (поскольку *над головой*) к тому, кого в данный момент в данном месте бранят, перенося, тем самым, направленность негативных энергий на их находящегося поблизости адресата.

Может, возникнуть вопрос, и он был бы уместен, — для чего он это делает? Чтобы предупредить? В этом случае ворона следует воспринимать как осознанно осуществляющего соответствующее действие агента. В принципе это не исключено. при опоре на мифологические представления о вороне⁴. Вместе с тем в более общем и более близком к устройству рассматриваемого предметного мира случае, предметного мира поверий-примет, соотнося разбираемое положение с тем, что было отмечено также и ранее (в пункте 1, но не только), сложившееся с карканьем ворона над головой можно видеть как входящее попадание ворона в движущуюся энергетическую струю негативности в брани, направляемую на ее адресата, при котором он переносит ее, на себе и с

собой, на того, кого в данный момент в данном месте бранят. Действует он в этом случае в отношении ранее отметившего себя показателя *Apport* (приносит).

Остается еще один, видящийся немаловажным вопрос – почему именно ворон, а не другое какое-то живое животное (которое, впрочем, также подобным образом может действовать, но не об этом в данном случае речь), почему именно ворон, своим однократным карканьем над головой, предупреждая как бы, указывает на тот *худой признак*, что того, над головой которого каркнет, *тут непременно бранят*? Ответ на данный вопрос видится в том, что можно рассматривать как ‘отношение ворона к человеку’. Отношение это такое, что позволяет ему в направлении к человеку так себя проявлять. Таким, а также другим, не только указанным, образом. Вопрос, к которому предполагаем вернуться, с учетом иных отношений, подобных и не подобных, для каждого определяемого птичьего и не только птичьего существа. Данное основание – ‘отношение к человеку’, послужит в дальнейшем основой определяемой типологии характеризующих живых существ, одной из возможных для изучаемого материала.

3) Троекратное карканье, независимое от чего-то другого: *Три раза прокаркает – к смерти*. Нет каких-либо видимых дополнительных обстоятельств, просто ворон каркает трижды, и это надо услышать, и его, видимо, также при этом увидеть либо каким-то образом поблизости ощутить. Не го-

ворится, однако, смерти кого именно следует ожидать, самого ли услышавшего, хотя это вряд ли, кого-то из его близких, что вероятнее, или живущих где-то невдалеке, если не рядом, с учетом предчувствия ворона, из знакомых тому, кто услышит такое вот троекратное карканье. Схема подобного представления достаточно обобщенна, предполагая смерть, явление, появление смерти как таковой. Возникает вопрос о роли при этом ворона. Чувствует он ее приближение и потому трижды каркает? Но не то чтобы независимо ни от чего, а в отнесении к тому, кто находится рядом, в ощущении его отношения к смерти (по близости, по знакомству с тем, кому умереть). Чувствуя приближение смерти, он на него естественным образом реагирует (как, впрочем, всякое животное существо) и поэтому трижды каркает? Или не только, но также желая о приближении смерти того, кто находится рядом, предупредить, что в целом, с учетом отношения ворона к человеку, не исключается? И это было бы первой проекцией. Вторая предполагала бы такое отношение ворона к смерти, которое связывает его с ее приходом, определяя его как вестника, или посредника, или образ ее самоё⁵? Исходя из рассмотренных ранее обстоятельств аналогичного предсказания (в отношении смерти), при появлении его на крыше дома, с криком и без, и видя за этим то, что можно определять как притягивание, — смерть в своем приближении, скорее как ожидаемое состояние, предполагающее утрату витальных сил, а не являющееся за кем-либо существо, смерть

в таком своем проявлении, как своего рода провал, нарушение жизненности, притягивает ворона, и он своим появлением с криком и карканьем, троекратным вне локализирующих обстоятельств, так реагирует на нее. Не исключая другие возможные объяснения, данное видится вполне вероятным, допуская его подключение к каким-то еще и другим.

4) Ориентирующе-направляющее карканье, так его можно назвать: *На церкви каркает – быть покойнику*. В этом случае, видимо, следует говорить о покойнике, которого в данной церкви в недалгом времени предстоит отпевать. Продолжая ту же линию затронутого ранее притягивания (ворона смертью как состоянием животного прерывания), можно усматривать в вороне существо, которое не столько предчувствует наступление смерти, не столько также предупреждает о нем, сколько карканьем, криком и появлением в соответствующем месте, доме, где быть покойнику, церкви, в которой его поместят, точнее было бы говорить появлением с дополняющим карканьем-криком, так на подобное ожидаемое состояние реагирует.

5) Троекратное ориентирующее и связываемое со смертью карканье ворона отражает себя также в следующем примере: *Если, пролетая над стадом, ворон каркнул один раз, то пастухи должны ожидать скорого нападения на стадо волка, а если три раза, то в результате нападения погибнет какое-нибудь животное*. Снова видим локализацию приближающегося продвижения ворона – в пролетая над

стадом. Движение к месту, назначенному реальной опасностью. Можно было бы говорить о предчувствии вороном *скорого нападения волка*, и это не следует отрицать, или того, что менее вероятно, что ворон каким-то укрытым глазом "увидел" волка в его намерении на стадо напасть, если бы не то, что при троекратном карканье в том же случае сообщается о нападении, при котором *погибнет какое-нибудь животное*.

Общий вывод, который себя обнаруживает как в данном, так и в четырех предыдущих примерах, предполагает проекцию места и времени (в отношении ожидаемого поражения), – места, к которому ворон своим появлением тяготеет, времени, которое следует представлять как недалекое, близкое, скорое. Смерть отмечается троекратным карканьем при возможности неоднозначной опасности (в примере со стадом) либо вне определенного места (как в третьем примере). При указующей определенности места – кровля дома, в котором больной, крыша дома, церковь, с ожидаемым в них покойником, – крик и карканье в их троекратности не отмечаются. Троекратность, тем самым, становится тем, что собой замещает отсутствие места либо возможность неоднозначного разрешения (как в примере со стадом), имея, тем самым, дефинитивный характер. С точки зрения ворона это выглядит не как замещение, а как более мощное проявление при усиленном ощущении заряженного приближением смерти необходимого поля (в особенности при стаде), в то время как на-

личие "места" для ожидаемой смерти (дом, церковь) часть такового поля на себя перетягивает.

О возможных локализациях *ворона* относительно человека

То, что было отмечено на рассмотренном материале с вороном в отношении притягивания его к ожидаемым несчастьям, находит свое разрешение в следующем:

Если ворон летит рядом, особенно с правой стороны, даже если не кричит при этом, предвещает несчастье.

Летит рядом и тем самым какое-то время, не так, чтобы появился вдруг и сразу же отлетел. Находит свое отражение признак сопровождающей подразумеваемого человека в его продвижении протянутости, – поскольку рядом *летит*, то человек этот должен в данный момент продвигаться. *Особенно с правой стороны* – что можно понять как пробой защищенности правого, ощущаемый вороном. И что в этом случае немаловажно, наблюдалось также и ранее, достаточность ориентирующего появления ворона, – ориентирующего по отношению к идущему, в его протянутости и особенно справа, – таковая достаточность снимает необходимость издавания вороном крика. Для человека – как не предполагающий и не требующий восполнения в крике знак. Для ворона это достаточность силы переживаемого им ощущения в отношении того, что *несчастье*. Из чего следует тот же, ранее уже отмеченный вывод: крик и карканье ворона являются проявлением собранной в данном месте и не рас-

пределенной, не разделенной в локально-объектном смысле (дом, церковь в примерах), силы себя обнаруживающего пробоа, нарушения целостности, поражения, выражаемых в том, что смерть, покойник, разорение или несчастье. Сюда же отчасти и непогода, как нарушающее устойчивую природную уравновешенность состояния, а не просто осадки, снег или дождь.

В дополнение к тому, о чем уже говорилось с притягиванием ворона к поражаемому месту, в его отношении, в первую очередь, к человеку, и тогда будет следовать между ним и вороном определенного рода связь, – в дополнение к этому находим в источнике также такой пример:

Вороны кружатся над чьим-либо домом – к несчастью.

Внимания заслуживает, во-первых, то, что не один ворон, а *вороны*, выступая, тем самым, усиленно-множественным числом. А во-вторых, то, что *кружатся*. Из чего исходя, можно сделать вывод о том, что если над-чьим-либо домом (о доме притягивания уже говорилось) кружится ворон, т.е. один, но при этом на кровлю, на крышу его не садясь, то несчастья, не говоря о смерти, ожидать не приходится. То притягивание, о котором речь, с точки зрения воронов (повторяя ранее сказанное) есть проявлением их ощущения, совместного, коллективного на сей раз, ожидающего данный дом поражения. То, что *кружатся*, предполагает в подобном притягивании действие обращающего вхождения в поражаемое поле с их стороны. Отметить данное положение мож-

но, с учетом также ранее рассмотренного, как определяющий показатель ворона. Реагирует он, вхождением и с этим возможным карканьем или криком, на происходящий в каком-то месте в каком-то времени себя уже осуществивший пробой, открытость нарушенной целостности, предполагающую далее то, что реализует себя для переживающего данное состояние человека, для него еще не объявившееся, а поэтому в скором будущем, как несчастье, разорение, смерть.

Еще один пример с вороном из источника определяет его, на первый взгляд несколько в ином ряду, вместе с тем уточняя его отношение к волку (не будет ли волком ворон в какой-то своей ипостаси⁶?). Выглядит это следующим образом:

Кто в лесу поет и увидит ворона, тому встретиться с волком.

Первое, что можно отметить, это *в лесу поет*. Не то чтобы это было неподходящее место для пения, хотя и не так, чтобы типичное, однако дело не в этом. Подобное пение в лесу либо должно быть чем-то, каким-то импульсом, вызвано, либо, если не вызвано побуждающим импульсом, в данный момент ощутимым, то само по себе, как пение, обладает способностью привлекать к поющему, опять же притягивать, что-то и нечто, какие-то силы лесного присутствия и какие-то в нем существа. В первом случае побуждение к пению следует из того действия, которое от чего-то или от кого-то либо направлено на данного человека, либо, присут-

ствуя, будучи разлито или же собрано где-то рядом вокруг, способствует, вызывая в нем, подобное проявление. Во втором, по внешнему виду не мотивированное, предрасположенное к пению состояние субъекта, само по себе создает вокруг него положение "поющего" призывания-зова. Потустороннее и не только потустороннее, по виду как человеческое, так и нечеловеческое, согласно мифологическим представлениям (достаточно вспомнить Орфея в подземном мире, своей игрою и пением привлекавшего душ), реагирует соответствующим образом на поющего человека, объявляясь при этом ему. Зов ли это или, что, вероятно, будет точнее, в голосовом музыкальном звучании устанавливаемый в виде моста наведения контакт, – не суть важно. Важно, что пением устанавливается, находит свое выражение подобная связь.

От такого представления переходим к тому, что *поет в лесу*, т.е. в месте контакта с нечеловеческим (остальные аспекты леса не будут нас интересовать), и *увидит ворона*. Ворон, тем самым, себя объявляет поющему, появляясь на пение. А означает все это то, что предстоит поющему *встретиться с волком*. С волком, увидев ворона, но при пении, потому, что между тем и другим существом имеется определяемая связь. Ворон чувствует и предчувствует волка, являясь и появляясь перед ним, до него (как это было в примере со стадом). И вместе с тем можно было бы говорить, что ворон в известном смысле, сам есть то же, что волк, но не тождество и не

идентичность его, а обратная, так это можно назвать, его сторона. Волк – в лесу, в то время как место в лесу для ворона не типично. И тогда, если ворон в лесу, поющий увидел его в лесу, а будучи в данный момент поющим, и не просто, а поющим опять же в лесу, человек этот на границе миров, точнее открыт в своем пении иномиру, точнее миру нечеловеческого, – в этом случае появление ворона становится видимым знаком, но не присутствия в лесу, а наличия в вороне волка. Ворон становится в лесу, при пении, волком. Точнее наоборот, – волк обращается вороном в лесу поющему.

То и другое, при каждом из вероятных своих разрешений, представляет в итоге то, что можно определять не то чтобы частую в отношении изучаемого материала поверий-примет, но в нем все же встречающуюся, контактность с граничным, соседним, близким, человеческому подобным нечеловеческим, – *ContFinitim* в латинизированном определении данного показателя. То, что в представленной характеристике названо 'человеческому подобным нечеловеческим', следует понимать в том смысле, что нечто животное и живое, равно как и не животное, но живое либо живое мертвое, как обладающее способностью к проявлениям в действии и/или движении, допуская также, если не говорение, то какой-то коммуникативного вида контакт, с человеком и не с человеком, ведет, проявляет себя каким-то образом, напоминающим человеческий, если не прямо и полностью уподобляемым ему. Для примера с вороном-волком эта контактность выглядит

так, что поющий а) своим пением б) в лесу с) вызывает визуализацию ворона, поскольку *увидит* его, ворона и не ворона, не то, чтобы неизвестно кого, но, возможно, что в одно-временности, ворона как не ворона, или не только ворона, или в вороне также кого-то еще, – d) волка для разбираемого лесного с пением случая, который е) явится, при ожидаемой в скором времени встрече, поющему. С какой целью явится и предполагается ли при этом какая-то цель, в примере не сообщается и сообщаться не может. Имеет место, точнее получить свое известное и не случайное в каком-либо смысле место контакт поющего в лесу с волком, потому что он своим пением вызвал его на подобный контакт. И это было бы все, что сказано. Признак ‘контактность с граничным’ тем самым для данного случая не уточняется, поскольку не определяем, а потому и не определен.

Своеобразное отношение ворона к человеку находит свое отражение также в следующем примере:

Ворон купает детенышей своих в Великий четверг и приносит для этого в гнездо воду в выеденном яйце.

Отраженное представление по своему характеру мифологическое, что, собственно, не следует дополнительно объяснять, однако не на это хотелось бы обратить внимание, а на то, что представляют три в него входящих обстоятельства. То, что *купает детенышей*. То, что *в Великий четверг*. И что *приносит для этого в гнездо воду в выеденном яйце*. Почему он это, согласно поверию, все это делает, и не просто, а

именно таким образом? И почему об этом вдруг говорится? Почему поверие к этому обращено и о чем это, в отношении ворона и его положения к человеку, может говорить?

Первое и важное, что следовало бы подчеркнуть, это то, что называемые в поверии действия ворона на положение человека, в отличие от других примеров, не влияют. То, что производит ворон, предсказания не содержит, смысл описанного определяет себя в другом. Купание детенышей осуществляется в Великий четверг, он же, по-другому, Чистый, или Страстной, поскольку на Страстной неделе. В этот день, помимо прочего, Иисус совершил омовение ног своих учеников, и у православных христиан он связывается с необходимостью очищения, как тела, так и, главным образом, души. Тема яйца, поскольку это Пасха, также не случайна, а то, что оно выеденное, можно объяснять с опорой на идею творения и первотворения (ворон, согласно ряду мифологических представлений, действует как демиург либо его помощник⁷). Не углубляясь в данный предмет, поскольку он далек от разбираемой темы, обратить внимание следует на коррелятивность ворона по отношению к тому, что связывается с человеком. Ворон действует подобно и в параллель. Мир ворона, мир вокруг него и сам он предстают как форма соответствия для человеческого и вместе с тем как предвещающее, первоначальное, производящее, исходное и побуждающее для него. Омывением, купанием детенышей водой яйца в гнезде осуществляется то, что можно, представляя,

видеть как формирующее возрождение мира, предполагающее продолжение, развитие и дальнейшее движение его, что, собственно, и составляет смысл Пасхи с ее идеей очищающего в омовении пробуждения к новой жизни.

Не связывая и одновременно с этим связывая (не в том, что отражено в примере, а в том, что, не объявляясь прямо, скрыто в нем) представленное в купании вороном детенышей с тем, что имеет отношение к человеку, можно усматривать во всем этом значение витальности продолжения, развития, расширения, распространения, *VitProlong*, касающихся, для человека, неумирающего продвижения жизни (ребенок, дети, потомство). Перевести это в сферу человеческого позволяет представление о том, что действия с детенышами, производимые над ними вороном в своем гнезде, имеют смыслом возрождающее обращение очередного мирового цикла жизни. Ворон производит это, с одной стороны, в параллель тому, что происходит в мире человека и производится людьми, с другой стороны, не в параллель и вне, по отношению к тому, что составляет смысл существования как такового, определяя мировой порядок с необходимостью включающегося и продуцирующего, стимулирующего участия в нем.

Рассмотренный характер ворона поддерживается в еще одном примере:

Кто убьет ворона, у того никогда не будет разводиться скот; по другим представлениям, скот не будет разводиться

ся столько лет, сколько лет было ворону.

Из чего следует, что ворона не только и не столько не положено убивать (запрет сам по себе понятный, исходя из выведенного на примере с купанием детенышей), сколько связывается это, во-первых, с продуктивностью, которая прервется и оставит совершившего убийство, у него *никогда не будет разводиться скот*, существенно при этом *никогда*. А во-вторых, с идеей, также ранее отмеченной, повторяющегося цикла возрождений, – *скот не будет разводиться столько лет, сколько лет было ворону*. Поскольку каждый год, в Чистый четверг, ворон производит то, что с этим связано. Убийством ворона цикл этот в отношении убившего оказывается прерванным, и в этом также можно видеть параллель существования ворона и воронова существа к существованию и существу с ним связываемого человека.

Другой пример на ту же тему, хотя и несколько загадочный, говорит о той же связи:

Кто убьет ворона, тому не миновать трех напраслин.

Трудно сказать, без предполагаемого следствия и контекста, о каких напраслинах здесь речь, но можно допускать, что экзистенциально значимых и не случайных. Таких, которые влияют, способны повлиять на жизнь и существование человека. Показательно при этом то, что *три* (три – число продуктивности в одном из своих мифологических значений). Троекратность связывалась с вороном при его карканье, предвещающая смерть, а также гибель животного из ста-

да. Из чего следует, что это *трех* при убитом вороне, и к этому *напраслин*, должно предполагать напраслины, направленные не на благополучие либо что-нибудь другое, а на жизненность и продуктивность совершившего такое убийство.

Сопоставляя ворона с рассмотренным раньше аистом, который также связывается с человеком, но не углубляясь в тему, что требует подробных рассуждений, исходя из одного только аспекта – уничтожения и убийства (в примерах с аистом говорилось о разорении гнезда и истреблении детенышей), можно видеть не одинаковый характер их отношения к человеку. Аист, в отличие от ворона, по данному показателю действует ответно, направленная на него деструктивность ведет, как косвенно, так и непосредственно, к такой же деструктивности, направляемой на человека: *тот навлечет на себя и на свой дом целую череду несчастий, среди которых могут быть пожары и смерти, важно при этом то, что навлечет; аист сожжет дом или унесет из колыбели ребенка, а вместо него положит обгорелое полено*. Сам аист сожжет дом или унесет ребенка, положив обгорелое полено. Появляется идея сгорания, сожигания, горения и пламени, имеющая отношение к аисту. И на это также следует внимание обратить. Ворон с огнем не связывается и сам в ответ не действует, его позиция по отношению к человеку не предполагает вторгающегося, включаемого воздействия, это, как было ранее отмечено, похоже более на параллель. Продуктивность возрождения в вороне, при его убийстве человеком,

предполагает поражение такой же продуктивности и возрождения в убившем, что объявляется в том, что у него *не будет разводиться скот (никогда или столько лет, сколько было ворону*, т.е. все та же параллель) и не миновать ему *трех напраслин*.

В этой связи можно задуматься над тем, что внутренне содержится в этих самых *напраслинах*. Минуя то, что *трех*, об этом ранее говорилось, и обратив внимание на то, что именно этим словом выражается передаваемое значение, под *напраслиной* можно было бы понимать, во-первых, то, что прямо следует из слова – *напрасно*, т.е. мимо, кем-либо на кого-либо возложенный, а по лексической семантике возведенный, поклеп, искажающий и дающий ложный образ совершенного либо не совершенного. А во-вторых, и это ближе к существу предмета, *напраслина* предполагает напрасность, "напраслинность", существования и бытия, как следствие распространенного и распространяемого о ком-то мнения. *Напраслина*, с помощью слов и словами, связываемая с искажением представления, поведенческого образа и действий данного субъекта, ведет, – если точнее, то не ведет, а своей обратной, оборотной стороной и подоплекой, есть *напраслина* его существования, его жизненного, здесь и сейчас, присутствия и, тем самым, есть бессмысленность и лишенная наполненности пустота. И это будет результирующим действием не ворона, но того, что в нем, носителем и производителем чего является он в этом мире, является и предста-

ет, – нарушенный порядок жизненного обращения при его убийстве оборачивается таким же нарушением в убившем.

Проекция ворона в отношении выделяемых категориальных значений, что вполне объяснимо с учетом имеющихся в народной традиции представлений о нем, более множественны и разнообразны по сравнению с теми, которые нашли свое отражение при воробье. Одновременно с этим, при равной примерно значимости с аистом определяемых примеров (при аисте, впрочем, их несколько больше), роль того и другого будет различна. Вопрос этот был перед этим отчасти затронут, однако более основательное, с ориентацией к типологии допускаемых в повериях и приметах ролей, имеет смысл осуществить после анализа большего материала. На данном этапе можно увидеть то, что ворон каким-то значимым образом связывается для человека в его повседневном существовании с тем, что передается словами *воры, больной, смерть, покойник, разорение, несчастье, брань, нападение волка на стадо, стадо, гибель животного* (из стада), *волк, встреча с волком, скот, напраслина*, а также с погодой как непогодой, но не подробно и один только раз. Переданное словами, с точки зрения его отношения к человеку и его бытию, можно будет впоследствии каким-либо значимым образом, с учетом предметного мира, распределить, что также видится обоснованным осуществить на расширенном материале, представив это в двух положениях – как то, что находит свое отражение в повериях с приметами в целом,

и как то, что себя проецирует к определяемому животному существу, предполагая свою, еще одну, типологию.

О местах и объектах применительно к ворону

Еще один небезразличный аспект можно затронуть с учетом двух представлений – объектов и мест, с одной стороны, и, с другой, показателей времени. В отношении ворона связываемые с ним места и объекты собой представляют кровля, крыша (дома), дом, выеденное яйцо – детеныши, гнездо – лес – дорога, церковь. Первый ряд будет тем, что имеет свое отношение к освоенному в объектах пространства существованию человека, составляя его непосредственное и, возможно, защитное, в том числе также внутреннее, окружение. Второй ряд (детеныши и гнездо) – можно было бы говорить, то же самое, но для данного существа, т.е. ворона в разбираемых примерах. Третий ряд (лес) был бы внешним по отношению к человеку, природным, нечеловеческим, им не освоенным, однако в нем себя каким-либо образом отображающим. И четвертый (дорога, церковь) – то, что, являясь, по существу человеческим, вместе с тем вне его, не освоенное либо недостаточно освоенное, потенциально, если и не опасное, то не всегда защитное (церковь ночью, к примеру), с открывающейся границей для иноприсутствия, в том числе также потустороннего, мертвого, вредоносного и т.п. Показатели времени, для ворона это только Великий четверг, также будут в каком-либо отношении не случайны, что при большем количестве материала должно составить свою кар-

тину, как в целом для человека в его положении к миру живых существ и в обратной направленности, от мира живых существ к человеку, так и применительно к каждому из его представителей – аисту, ворону, воробью и другим, еще не рассмотренным.

Возвращаясь к проекциям категориальных значений для ворона, первое, на что следует обратить внимание и о чем уже говорилось, это то, что предупреждающее отражение ворона в материале поверий-примет связывается почти исключительно с действием поражения, как с позиции благополучия, так и с позиций витальности, коммуникативности и предостерегающей по характеру своему контактности с нечеловеческим (встреча с волком). Для поражаемого благополучия, просперитивности, можно выделить на основе примеров значения лишения, изымания, отбирания, *ProsperAdempt*, – вору, нападение волка на стадо, гибель животного от волка; утраты, потери, исчезновения, *ProsperAmiss*, –разорение, несчастье; блокирования, застывания, торможения, останавливания, недостаточности, *ProsperDefect*, – не будет разводиться скот. Для значений витальности себя проявляет, в первую очередь, то, что можно назвать прерыванием, остановкой, обрывом, *VitAbrupt*, – покойник, смерть. И в стимулирующем отображении, через действия ворона, направляемые им по внешнему виду в примере на себя самого, с купанием им детенышей в выеденном яйце в Великий четверг, можно видеть значение витально-

сти продолжения, развития, расширения, распространения, *VitProlong*.

В примерах нашли также свое отражение значение отступающей, отходящей, темпестативности аэративности, *TempestAer(Regress)*, – в непогоде; значение коммуникативности препятствования, *CommunPerturb*, как понижения, подрыва (бранят, три напраслины), и контактность с граничным, соседним, близким, подобным нечеловеческим, *ContFinitim* (встреча с волком).

Перечисленные значения, полагаемые как категориальные, составляющие концептуальную сущность миропорядка, отраженного в изучаемых единицах поверий-примет, видится необходимым, с учетом данного положения и с дополнением всего выводимого остального, системно отобразить, опираясь, с одной стороны, на общее, себя развивающее в выводимых значениях, представление, а с другой, соотнося их с тем, что содержится в материале, передаваясь и выражаясь с помощью слов. Первый подход к поставленной в таком своем виде задаче предполагается предпринять после анализа еще одного птичьего существа, только по внешности с вороном связанного, но не имеющего ничего с ним общего по своему естеству. Речь в данном случае о ворбне.

Ворбна в ее отличающем от ворона отображении

Первое, что можно сразу заметить на основе материала источника при сравнении вороны с вороном, это то, что, в отличие от него, ворона более тяготеет к погоде, чем к проекци-

руемым ею в своих ощущениях состояниям человека. Ворону, тем самым, в типологическом отношении в большей мере следует относить к той группе, которая к воробью, чем к аисту с вороном, между которыми необходимо отметить отличия (так же как и у воробья с вороной) не совпадающей, а точнее разной, если быть более основательным, их позиции, определяемой в значениях 'отношения к человеку'. Вопрос, к которому предстоит обратиться не раз при анализе материала.

Из десяти примеров с вороной только два обнаруживают предполагаемое в ее поведении отнесение к человеку. Рассмотрим их, с тем чтобы установить их особенности и постараться представить характер, после чего обратимся к примерам погодного круга.

Два примера, о которых речь, при этом не соотносимы, указывают на разные предначертания, объединяющим признаком был бы вороний крик, если бы не то обстоятельство, что в каждом из этих случаев определяется он, в своем окружении к тому же, несходно. Первый пример, отчасти и не углубляясь в детали, можно видеть подобным тому, что было при вбóроне:

Если ворона долго сидит на доме и при этом каркает с наклоненной в сторону кладбища головой, то это пророчит дому скорого покойника.

И с вороном, для сравнения: *Сидящий на кровле дома, в котором есть больной, и при этом кричащий, предзнамену-*

ет больному смерть. А также: Ворон на крыше дома – к покойнику или к разорению.

Ворона сидит *на доме*, ворон – *на кровле, на крыше дома*, что можно считать тем же самым, но только частично, – положение вороны дается как более общее, в отношении дома как такового, без уточнения к крыше и кровле, что допускает также какой-то навес, крыльцо у дома, не исключая какой-то близкой постройки, прилегающей к дому либо чего-то еще. При этом важно, что она *на доме* не только и не просто сидит, а *долго*, и *каркает с наклоненной в сторону кладбища головой*, чего при вбóроне не отмечалось. Ворона также – *каркает*, а ворон фигурирует как *кричащий и на кровле дома, в котором есть больной*, а при позиции с крышей возможен выбор – *к покойнику или к разорению*. Указанное поведение вороны *пророчит дому скорого покойника*, а для ворона, в первом случае, – *предзнаменует больному смерть*, во втором, и при этом без крика, – *к покойнику (или к разорению)*, т.е. как таковому, не говорится, что к скорому.

Обе птицы, тем самым, предчувствуют ожидаемую в доме смерть и на нее соответствующим образом реагируют. Вопрос, который в разбираемой связи должен нас интересовать, заключается в характеристике воспринимаемых знаков. Немаловажным при этом видится представление о том, как определять эти знаки с позиции ворона и вороны для человека, как подаваемые ими ему или как человеком воспринимаемые и соответствующим образом интерпретируемые,

при том, что тот и другая намеренно человеку о смерти не сообщают.

Вопрос этот не такой простой, чтобы его разрешить без сомнений и однозначно. Оттолкнемся в его разрешении от двух, наиболее ярких примеров. Если ворона, как говорится в примере, *долго сидит на доме и при этом каркает с наклоненной в сторону кладбища головой*, – можно ли это видеть, воспринимая, как ее такую предчувствием в импульсе побуждаемую и естественную реакцию? Естественную для живого животного существа на то, что противоположно живому и прерывает его витальное существование? Можно было бы, если бы не то, что *долго* и *с наклоненной в сторону кладбища головой*.

Два этих параметра предполагают уже не спонтанность реакции живого и чувствующего смерть существа на ее проявление, но нечто большее, допускающее знание у вороны не только того, что произойдет как событие в смерти, но и то, чем это будет сопровождено, – *скорым*, как получается из примера, отправлением *на кладбище*. В связи с чем возникает вопрос актуальности для вороны кладбища как пространства. Ворона не только по импульсивному опыту знает, что это место, где люди хоронят своих умерших и где, таким образом, в скором времени кому-то из проживающих в данном доме быть, куда он из этого дома переберется, отправившись. Живущий здесь и сейчас окажется там, туда будет перенесен, изменив не только характер животного своего со-

стояния с живого на мертвое, но и место своего нахождения, позицию бытия.

Если бы ворона давала, сидя на доме и каркая, реакцию на ожидаемую в доме смерть, вряд ли она бы делала это *долго* и не обязательно *с наклоненной*, а тем более *в сторону кладбища, головой*. Следует также при этом иметь в виду, что это *долго* имеет субъектно определяемый характер, *долго* – с точки зрения человека, наблюдающего за поведением вороны. Но не только, *долго* также еще потому, что исходит и от вороны. Потому *долго*, что чувствует и переживает ворона смерть (живые существа себя так проявляют, концентрируясь, останавливаясь, замирая, задерживаясь, на каком-то их поразившем запахе, и не единственно запахе). И потому еще *долго*, чтобы было заметно, чтобы, предупредив, передать, не человеку, но всему тому, что вокруг, из живого поблизости, сообщить окружению об ожидаемой в скором будущем смерти. Иными словами, со стороны вороны – это сообщение и поэтому знак, но не знак, если вникнуть в его положение, человеку.

То же самое можно видеть, исходя из примера с вороной, хотя и не в столь развернутом виде, для ворона с кровлей дома, в котором больной. Ворон предчувствует его смерть и своим криком, поскольку *кричащий*, о ней сообщает. Опять же не человеку, а всему живому вокруг.

Ворона в ее проецирующем отношении к человеку

Опустим на время дальнейшие вероятные рассуждения в

отношении смерти с вороной и обратимся ко второму примеру, имея в виду определяемое ‘отношение к человеку’. Звучит он следующим, несколько неожиданным, образом:

Если кричит ворона, то вскоре разведется много кур.

В примере со смертью было *каркает*, здесь – *кричит*. Воспринимать ли это как разное определение одного и того же или как не совсем подобное проявление? Думается, что можно видеть в этом как то, так и другое. *Кричит* – полагает бóльшую интенсивность, а вместе с тем и акцентированность восприятия. Со стороны, вороны – может, не столько силу, сколько ориентированную направленность производимого ею карканья-крика. Крик более заметен, чем карканье, но он же требует и бóльших усилий со стороны его производящего существа.

Загадочным без дополняющих обстоятельств видится положение о том, что определяется словами *Если ворона кричит*. Видимо, не так себе просто и не где попало, но в том месте, где могут быть куры, ожидаемые к разведению. Ворона криком указывает, ориентируясь к данному месту, на то, что кур в скором времени здесь будет много, что было бы сопоставимо, но лишь в структурном своем отношении, с тем, что нашло свое отражение при скором покойнике. Важными признаками в обоих случаях для вороны было бы то, что, во-первых, карканьем-криком она себя проявляет к соответствующим образом заряженному месту, для того, что живое, – смертью его, для покойника, и множественности

появления, в отношении кур. В свою очередь, во-вторых, и в этом можно видеть еще одно ее отличие от ворона, то и другое, или ее отмечающая и сообщающая округе реакция на витальное состояние живого, будь то в смерти, будь то в ожидаемом увеличении к разведению, предполагает ощущение ею того, что это скоро произойдет – *скорым* будет покойник и *вскоре разведется много кур*. Ворона, тем самым, в отличие от ворона, тесно связана с временем, чувствует время и реагирует на него, проявляя себя в отношении того, что себя темпорально уже приближает. Отсюда, и подобное замечание небезосновательно, ее бо́льшая и предпочтительная привязанность к категориальным значениям темпестативности, которую как погодное проявление времени и погодное, собственно, время следует представлять. Можно было бы видеть в ее реакции на жизнь живого, его размножение в курах и смерть в покойнике ощущение и предчувствие не жизни и смерти как таковых, а изменение времени: время существования в одном случае, приближаясь, подходит к концу, и поэтому *скорый покойник*, и то же время существования в другом и еще одном случае, приближаясь, подходит к многому разведению, потому *вскоре* разведется, и *много*, кур. Множественность, продолжая развивать ту же мысль, для разведения кур, также можно себе представить во времени, как увеличение, рост, отмечаемый временем и вместе с тем отмечающий время, с каждым новым, фиксируемым во времени, появлением чего-то дальнейшего и очередного.

Возвращаясь к значениям темпестативности для вороны, стоит отметить, что в материале источника из десяти приводимых примеров семь затрагивают ее непосредственное отношение к погоде. В то время как у ворона это только один пример, недостаточно определенный к тому же и предполагающий выбор, – *Карканье ворона предвещает непогоду или несчастье*. Показательно также и то, что еще один для вороны пример, который в дальнейшем предстоит рассмотреть, содержит в себе отношение не к погоде и не к человеку (скорый покойник и вскоре много кур), но так же, как и характерные для нее остальные, будет связываться со временем, предполагая предсказание года (*Если у вороны в гнезде пять или семь яиц – к хорошему году, а если три или четыре – к плохому*).

И тогда для вороны имело бы смыслом названные значения темпестативности, в приложении к атмосферно-погодному времени, рассмотреть более основательным образом (чего не позволял произвести материал при аисте, воробье или вóроне). Семь примеров ее подобного проявления выглядят следующим образом:

- (1) *Воронье под тучи взбивается – к ненастью.*
- (2) *Вороны каркают стаяй: зимой – к морозу, а летом – к ненастью.*
- (3) *Ворона ходит, разинув рот, и усиленно каркает при этом – быть дождю.*
- (4) *Ворона купается – к ненастью.*

(5) *Ворона ощи́пывается – к дождю.*

(6) *Ворона каркает – к худу или к дождю.*

(7) *Когда на ночлеге зимой ворона сидит на верхушке дерева по ветру, то на другой день будет спокойная погода, когда же она садится на нижних частях дерева и прячется между ветвей, то следует ожидать ночью и на другой день ненастье.*

О погоде в "вороньем" ее ощущении

Для начала представляется небезразличным отдельно распределить позиции левой и правой части. В левой части встречаются *воронье*, один раз, *воро́ны*, один раз, и *ворона* – пять раз. *Воронье*, собирательно, – *под тучи взбивается*. *Воро́ны* – *каркают стаяй*. *Ворона* – *ходит, разинув рот, и усиленно каркает*, а также *купается, ощи́пывается, каркает* и в последнем примере – *сидит на верхушке дерева по ветру или садится на нижних частях дерева и прячется между ветвей*.

В правой части можно увидеть такие позиции: *к ненастью*, *ненастье*, три раза и еще один раз, *быть дождю* и *к дождю*, один и два раза, *спокойная погода* – один раз.

Отвлекаясь от всех возможных в определяемых случаях обстоятельств, обратим внимание на то, что мы видим. *Воронье под тучи взбивается* – следовательно, во-первых, имеются тучи, и птицы, взбиваясь под них, во-вторых, отражают собой, с одной стороны, такую же их собирательность (как

и у туч), а с другой, отмечают своим поведением то, что последует с этими тучами и, возможно, из этих туч. Поскольку определяется данное положение с позиции субъекта как *воронье*, то представляется это как действие объединенное и совместное. Воробы действуют как нечто целое, не различаемое и нечленимое в составе. Можно ли в этой связи утверждать, не то, что *ненастье*, которое последует вследствие такого проявления *воронья*, будет другим в сравнении с *ненастьем* при карканье стайей летом *ворон* для второго примера (останемся при не единственном числе для *вороны*), но то, что разные, однако не атмосферно-погодные, а ситуативные обстоятельства предполагают разное для ворон, и тогда замечаемое, наблюдателем отмечаемое, их поведение? Туч нет, по крайней мере при отражении в словах, во втором примере. И это во-первых. А тогда во-вторых, что-то, трудно сказать, не вникая в биофизический этос вороны, что именно, но что-то при этом существенное и несомненное, влияет на поведение их таким образом, что в одном случае они совокупно, как целостность, как *воронье*, *под тучи взбиваются*, а в другом – *каркают стайей*. То и другое не то же самое и с точки зрения их поведения различно. Хотя и предполагает при этом общее следствие – *к ненастью*.

Итак, ненастье, в разбираемых случаях *к ненастью*, как обозначенное приближение в предчувствии ворон, допускает, в отношении не единственности проявления для них, совместность действия, обнаруживающую, при наличии туч,

такое их проявление, которое предполагает скопляющееся (собирательное) устремление к тучам. Воробы действуют их объединяющим совместным скопом, как некое единство в своей совокупности, хотя и не единое целое. Определить это можно в параметрах объединяющего конгрегатива, *Congr*, и, в этой совместности, подъема, устремления вверх, *IntentSurs(Congr)*. В надвигающемся, ожидаемом ненастье что-то есть такое, что понуждает ворон, собравшись, взбиваться вверх. Атмосферно-погодное изменение *к ненастью*, тем самым, заключает в себе для ворон необходимость проявления, определяемого в собирающем их устремлении, при наличии туч, под тучи кверху, что находит свое выражение в формуле *IntentSurs(Congr)*. Природно-погодное состояние *к ненастью* действует (при тучах) сдавливающе-собирающим, конденсативным, и поднимающим наверх, выталкивающим, выносящим к тучам, элевативным, образом. И это было бы тем, что можно видеть и определять как форму воздействия со стороны такого состояния (природы и погоды) на живые существа, в разбираемом случае – на ворон. Тем самым, то, что обозначено в словах *к ненастью*, представляет собой состояние в его воздействии при тучах, опуская ворон как форму выражения, определяемое по формуле в признаках конденсативного элеватива, *CondensElevat*.

Еще одну форму воздействующего выражения природно-погодного состояния *к ненастью* (для точности повторим весь определяющий ряд) в его отношении и проявле-

нии для ворон можно увидеть в том, что они *каркают стаей*, если летом. И тогда это было бы воздействие, вызывающее в них расчлененно-множественное, а не собирательное при *воронье*, реагирование в виде издаваемых ими и для них типичных звуков, с тем отличием, что оно в этом случае будет иметь более активный, чем обычно, интенсифицируемый, характер (поскольку отмечаемый наблюдателем). Состояние *к ненастью* действует на ворон, на каждую из них отдельно, однако отдельность эта инфлюенсивно-коллективна, т.е. проявляется как заражающее действие на каждую из множественного состава, понуждая их к совместному интенсифицированному карканью. Форму такого проявления со стороны состояния *к ненастью* можно видеть, в отличие от предыдущего, как инфлюенсно-плюральный экскламатив, *Exclam(InfluensPl)*. И тогда само подобное состояние, в отношении природы и погоды, также можно видеть в значении сгущающего усиления, *CondensIntent*. Зимой тем же свойством будет обладать и аналогичным образом характеризоваться природно-погодное состояние *к морозу* (см. 2-й приведенный пример).

4-й пример с тем же состоянием *к ненастью*, при котором *Ворона купается*, предполагает, в своей сущности, нечто иное. Сложившееся природное и погодное окружение действует на ворону таким образом, что она купается. Не говорится в данном случае о карканье, о собирании в стаю, о взбивании к тучам вверх. Ощущаемое ею предчувствие по-

буждает ее, и тут появляется вопрос – к чему? К тому, чтобы очиститься, умывшись? Или к тому, чтобы мокрой быть, как бы заранее, поскольку это предстоит? А может, к тому, что можно видеть как предшествующее действие, связываемое не с вызыванием того, что мокрое в ненастье (сомнительно, чтобы ворона купалась не в воде, а в пыли, песке, впрочем, и это сути рассматриваемого не меняет), а с его предощущением на себе. Это последнее представляется более подходящим. Ворона действует в отношении состояния *к ненастью*, как если бы оно таковое уже совершилось, а со своей позиции – в направлении к тому, что совершится и придет, упреждающим и проецирующим ожидаемое положение образом.

Можно сравнить это, предполагая мир живых животных, и не только животных, существ, с тем, что им свойственно как повторяющее нечто, не обязательно опасное, но предупреждающее ожидаемое, ему уподобляющееся, в том, что характеризуется словом *мимикрия*, или приспособление, принятие соответствующего, по направленности и роли, камуфлирующего вида, цвета, формы и пр. Коль скоро ожидается ненастье в сложившемся на данный момент атмосферно-погодном состоянии *к ненастью*, ворона поступает так, как если бы она его, намочивши перья с крыльями, уже пережила. Это было бы тем, что можно посчитать предвосхищающим уподоблением с ее стороны, *AnticipatAssimil* (антиципатив-ассимилятив), а со стороны того, чем есть *к ненастью*, в соответствующем воздействии на нее, как ощущение мок-

рого, пронизывающего и промачивающего, – пенетрального мадефактива, *PenetrMadefact*.

Последнее состояние, 7-го примера, связываемое с *ненастьем*, которого следует *ожидать ночью и на другой день* (положение в этом случае несколько смещено по сравнению с рассмотренным ранее представлением *к ненастью*, будучи более определенным и, возможно, близким с точки зрения времени), это последнее состояние передается тем, что ворона, в единственном числе, а) *на ночлеге*, б) *зимой*, в) *сидится на нижних частях дерева* и г) *прячется между ветвей*. Предчувствие приближающегося ненастья, при зимнем состоянии природы и погоды, что будет иметь прямое отношение к дереву, лишенного листвы в этот период (тогда хорошо видна ворона и вместе с тем листва ее не защищает), – предчувствие такового близкого ненастья действует на ворону таким образом, что *на ночлеге*, т.е. перед тем как прекратить активность дня, располагаясь для этого на дереве, в соответствии с пунктами в) и г), она не сидит, как в ожидании спокойной погоды на другой день, *на верхушке дерева по ветру*, а напротив спускается книзу дерева и *прячется между ветвей*. Учитывая, что *на ночлеге*, воспринимать это можно в том отношении и в той связи, что ожидаемое с ненастьем, ночью, на другой день, состояние погоды и природы может дождем и ветром создавать опасность для нее, находящейся в успокоенно-расслабленном и не активном, а потому не защищенном для себя, положении. А если не опас-

ность, то малоприятные переживания и ощущения. Ворона, тем самым, в данном своем проявлении, действует, стараясь избежать возможного воздействия, потенциально не способствующего спокойствию и ненарушенному пребыванию в данном либо другом каком-либо месте. Увидеть в этом можно два взаимосвязываемых признака – предупреждающего (предвосхищающего) и укрывающегося, избегающего, характера, для себя и в отношении в скором времени ожидаемого ненастья, *AnticipatLatibul*^{6*} (латибулятивный антиципатив). В свою очередь, для ожидаемого в скором времени ненастья это было бы все тем же ранее отмеченным пронизывающим и промачивающим *PenetrMadefact*, т.е. пенетральным мадефактивом. То, что ворона по-разному ведет себя в отношении того же, в одном случае купаясь, а в другом скрываясь в нижних частях дерева между ветвей, связывается с тем, что было акцентировано в 7-м примере – *на ночлеге, зимой*, то, что *следует ожидать ночью и на другой день*, и о чем при ее купании не говорилось.

Тем самым, обобщая и для положения с вороной, как птицей, в примерах источника в большей мере связанной с по-

⁶ * Лат. *antīcīpo*, *-āvi*, *-ātum*, *-āre* [*ante* ‘до, перед’ + *capiō* ‘ловить, хватать’] ‘наперёд усваивать себе, заранее принимать’: а. *aliquid mente* ‘заранее составить себе понятие о чём-л.’, ‘предвосхищать’, ‘упреждать, опережать’; *anticipātor*, *-ōris* *m* ‘предвидящий, знающий наперёд’; *lătībŭlor*, —, *-āri depon*. [*latibulum*] ‘скрываться, укрываться, прятаться’; *lătībŭlum*, *i n* [*lateo*] ‘потаённое место, убежище’, ‘укрытие, тайник или покров, оболочка’, ‘логовище, нора’; *lătēo*, *-ui*, —, *-ēre* ‘скрываться, укрываться, быть скрытым, прятаться’.

годным временем, чем рассмотренные перед нею аист, воробей и ворон, определившее себя состояние *к ненастью* можно видеть, в его воздействии на живые существа, как то, что чувствуется ими в атмосфере и природе в виде сгущающего усиления, *CondensIntent*, и пронизывающего, пробирающего, прохватывания, подобного промачиванию, *PenetrMadefact*. И тогда само *ненастье*, с предваряющим его положением *к ненастью*, отмеченные ранее с точки зрения темпестативности аэративности, предполагало бы такое изменение, по сравнению с состоянием не-ненастья, которое определялось в отступающей, отходящей форме, *TempestAer(Regress)*. Тем самым, *ненастье* и *к ненастью* (в данном месте то и другое можно было бы обобщить) суть такие отступления, но не от нормы, а от того, что выражается в повериях словами *спокойная погода* (не случайно это находит отражение в 7-м примере в противопоставлении поведения вороны при ожидании спокойной погоды и ненастья), – которые воздействуют сгущающе-усиливающимся и пронизывающе-прохватывающим образом, *CondensIntent + PenetrMadefact*, на живые существа. Ворона проявляет в этом случае себя как существо, на подобное воздействие, если не более других открытое, что было бы не вполне корректным, то более других открыто реагирующее. И это нашло свое отражение в примерах.

Поведение вороны, предполагающее совпадающие по смыслу положения, выражаемые словами *быть дождю* (3-й

пример), *к дождю* (5-й), *к худу или к дождю* (6-й), отличается от рассмотренного поведения ее при ненастье. Во всех трех случаях ворона выступает в единственном числе, в отличие от возможной собирательности и множественности в отношении ненастья (1-й и 2-й примеры). Дополнительно, перед состоянием *к ненастью*, ворона – *купается*. Перед тем, что *к дождю*, – *ощипывается*, что предполагает объяснение, направленное на проецируемое отличие того и другого атмосферно-погодных состояний применительно к вороне. Объединяющим мотивом было бы карканье, но и оно различно. В отношении позиции *к ненастью* это карканье – *летом и стайей*, т.е. не единственным числом. В то время как при *быть дождю* это карканье, производимое ею *усиленно* и сопровождаемое тем, что в этот момент *Ворона ходит, разинув рот*. Без такого сопровождения, но и тогда субъективно можно предполагать (поскольку замечаемое и отмечаемое), что это карканье также усиленное, в этом случае оказывается возможным выбор – *к худу или к дождю*.

В связи со сказанным дальнейшим шагом возможного определения было бы установление различия двух атмосферно-погодных состояний в их воздействии на ворону, характеризующихся словами *к ненастью* (что ранее было рассмотрено) и *быть дождю*, *к дождю* и при предполагаемом выборе между тем, что *к худу или к дождю*.

Объединяющим все три положения было бы представление о том, каким образом состояние перед дождем, отобра-

жаемое в примерах с помощью соответствующих слов, воздействует на ворону, в результате чего она себя именно так проявляет. Вопрос, который можно поставить в данной связи, предполагая то, что ворона подобное состояние чувствует, а ожидаемый дождь по этой причине предчувствует, сводился бы далее к мотивирующей стороне ее проявлений. Предупреждает ли она о дожде, производя то, что в примерах указано? И если предупреждает, то имеет ли это ее проявление характер направленный на кого или что? Либо нет, не направленный или не предупреждает? Если ни то, ни другое, то следует предположить, что подобное ее проявление представляет собой реакцию, биологического, как следует полагать, характера в отношении, но не дождя, а того, что ощущается ей перед ним.

Допуская, что вряд ли можно считать противоречащим в отношении действительного положения вещей, что ворона — коллективно-стайное существо, свойственно ей, как и другим существам подобного типа, проявлять особого рода, коммуникативную по своей природе, активность, направленную как на ее родовое и видовое, так и не исключительно, окружение. Направленность эта вписана в ее естество и проявляется, в первую очередь, в карканье. Каркает в соответствующих для этого случаях она потому, что ощущает, видит, услышала что-либо, не столько, скорее всего, задаваясь целью предупредить, сколько по той причине, что по-другому не может, будучи воспринимающей и реагирующей

биологической частью своего вороньего целого. Касалось бы данное положение того, что передается в 3-м и 6-м примерах, предполагающих карканье. Из чего получался бы вывод о неразложимости для вороны того, что содержит сенсорную реакцию на то, что ею чувствуется и переживается, и того, что является следствием коммуникативной и себя объявляющей в карканье ее природной активности.

Вместе с тем при усиленном, как было отмечено, и тогда оповещающем, карканье перед дождем дополнительно себя объявляет то, что в одном случае она *ходит, разинув рот*, а в другом ее карканье предполагает неоднозначно определяемый характер – *к худу или к дождю*. Воспринимающий данное карканье человек не имеет достаточных оснований к тому, чтобы отдать предпочтение чему-либо одному при возможном выборе.

Обращая внимание на 3-й пример, при *ходит, разинув рот, и усиленно каркает*, можно прийти к заключению, что ее таковая поза, а также движение, отмечая собой беспокойство, а если не беспокойство, то возбуждение, свидетельствуют равно как о том, что данное состояние ею переживается, заставляя так себя проявлять, так и то, что ощущая в себе подобное состояние, спонтанно и по самой природе своей, она о нем окружение оповещает. То же можно отметить и для 6-го примера (*к худу или к дождю*). Ощущение переживаемого ею состояния в этот момент для человека, как получается идентично, хотя с позиции самой вороны это не одно и

то же, скорее всего. Человеку же не дано семантически различать неоднозначность оттенков звукового ее проявления.

Определяясь к дождю, точнее к тому атмосферно-погодному состоянию, которое будет его предшествовать, следует сделать вывод о том, что его действие на ворону, имея вызывающий в ней, если не беспокойство, то возбуждение, характер, следует представлять как отмеченное ранее сгущение, *Condens*, но иного, чем перед ненастьем, отображения. С тем чтобы попытаться его понять, представим себе ворону (ворон) при дожде (при условии, что дождь и перед дождем, вместе с тем, не одно и то же). В период дождя, не вдаваясь в биологические и с этим этосные детали, активность вороны снижена, во время дождя вороны где-то прячутся и, нахоясь, сидят, продуктивная деятельность их замирает. И тогда то, сгущение, атмосферно-погодное, *Condens*, которое происходит перед дождем, можно видеть в его дополнении как имеющее подавляющий, опрессивный, *Opress*, в том числе также в результативном смысле, характер. А поскольку ворона не только чувствует, но и предчувствует, не отдавая, возможно, себя отчета в том, предчувствие ее обращается к этому пассивизирующему сгущенному подавлению, *CondensOpress*, приостанавливающему в ней активную деятельность, чего реакцией становится указанное ранее возбуждение.

5-й пример, в котором Ворона оципывается – к дождю, как представляется, вполне укладывается в его объяснении

в то, что было до этого сказано. То, что она *ощипывается*, можно воспринимать как знак переживаемого ею в данный момент возбуждения и вместе с тем, но уже без коммуникативного проявления, реакцию на атмосферные изменения, если не подавляющего, что было бы мало правдоподобным, то все же сгущающего характера.

Сгущенное подавление, если не в атмосфере и не в погоде, то в проявляемой в окружении энергетике (трудно это иначе определить), и тогда это был бы, в интенсификации, выведенный параметр *CondensOpress*, с экстенсификацией другого вида, не для погоды с ее атмосферой, – такое сгущенное подавление можно усматривать и в том, что, для вороны, в 6-м примере с выбором, предполагает карканье *к худу*. Ворона чувствует это *к худу* и *каркает*, хотя, как уже отмечалось карканье это ее, возможно, будет иным, не таким, как *дождю*, не различаясь, однако, воспринимающим его человеком.

Остается еще один не рассмотренный, и последний, с вороной пример из источника, который, в силу достаточной очевидности, не видится особой необходимости подробным образом комментировать:

Если у вороны в гнезде пять или семь яиц – к хорошему году, а если три или четыре – к плохому.

Было бы натяжкой усматривать в сказанном что-либо говорящее о знаковом символизме числа яиц в гнезде (*пять или семь, три или четыре*), отметив, попутно и не претендуя

на обобщение, вероятность идеи полного и завершенного, для пять и семь, и продуктивно-стабильного, прочного, в три и четыре. Но тогда не с позиции наблюдателя человека, не с позиции также вороны, а с позиции скрытого и за этим стоящего миропорядка, в данном случае так себя объявляющего. Вопрос весьма интересный, поскольку люди, а также животные, птицы, рыбы и пр., живущие в данном мире, невольно и неосознанно (осознанность, впрочем, не исключена), подчиняются видам и формам порядков его устройства, себя наблюдающего и обнаруживающего в числе. То, что у вороны *пять или семь яиц либо три или четыре*, зависит не от вороны, а уж тем более не от отмечающего данное положение человека. Зависит это от того, что имеется в данном мире на данный момент, и это имеющееся, предполагая направляемое изменение и проявление *к хорошему году* или, напротив, *к плохому*, действует на ворону в сторону большей либо меньшей ее продуктивности, готовя ворон к тому, что хороший год даст возможность выкормить больше родившихся в этом году ворон, а плохой год – напротив.

Из чего получается, что "атмосфера" и темпестативность года, понимая под этим предрасположенность биоэнергетического характера (за неимением лучшего назовем это как-то так), в их направленности к хорошему либо плохому, действует на ворону развертывающим, раскрывающим, образом, и тогда способствующим и повышающим, либо, напротив, сворачивающим, подавляющим, редуциру-

ющим и понижающим, – в показателях, соответственно, *Succurs / Opress*, касающихся проявления в ней направленной на добывание пропитания продуктивности: *Succurs / Opress(NutrProd)*.

Семантические обобщения для вороны

Проанализированные примеры с вороной в семантике, связанной с предсказующей правой частью, дают основание к выделению признаков в отношении выведенных ранее для человека 1) прерываемой витальности, *VitAbrupt*, с уточнением к ее проявлению вскорости (*скорый покойник* при сидящей долго на доме вороне с наклоненной в сторону кладбища головой), *VitAbrupt(Brev)*; 2) возрастающей, прибывающей (*к хорошему году, много кур, которые разведутся вскорее, если кричит ворона*) либо напротив, поражаемой, блокируемой, останавливаемой в своем движении (*к плохому году*), prosperитивности, *ProsperProgr* и *ProsperProgr(Brev) / ProsperDefect*; 3) темпестативности аэративности, – стабильной, без изменений, *TempestAer(Stabil)* (*спокойная погода*, с вороной на ночлеге зимой на верхушке дерева по ветру), отступающей, отходящей, *TempestAer(Regress)* (*к ненастью*), открывающейся книзу, вниз, нисхождения, ниспускания, *TempestAer(ApertDeors)* (*быть дождю и к дождю*).

То, что касается непосредственного отнесения к человеку, с вороной себя отразило в проекциях *скорый покойник* и (*вскоре разведется*) *много кур*. То и другое можно усматривать как субъектно определяющее, но не воздействующее, ее

отношение в показателях сокращаемого / увеличиваемого, растущего жизнеобеспечения и продолжения. Ворона тогда имела бы связь (без уточнения, какую) с порождающей продуктивностью, в негативно и позитивно возможном аспекте, – *GenerProd(Neg/Cert⁷*)*.

В отношении объектов и мест для вороны можно было увидеть позиции, в человеческом, *дом*, в котором скорый покойник, как место витального проявления и земного существования, в отличие от вечного дома в могиле, *Loc(VitExist)*. Для самой вороны это были бы *стая*, *яйца*, *гнездо*, – как форма ее коллективно-активного проявления, *Congr(Act)*, для стаи, а также продуктивно-объектного и продуктивно-локального продолжения, *ProdProlong(Obj/Loc)*, для гнезда и яйца. В отношении природных объектов это были бы *тучи* и *дерево*. К тучам, *под тучи*, вороны совместно *взбиваются*, как *воронье*. *Дерево* фигурирует для вороны в примерах как место ее ночлега. *Тучи*, без отнесения к тому, что это связывается с чувствуемым вороньем состоянием *к ненастью*, поскольку это неважно для разбираемого положения, – можно представить в виде множественного и при этом закрытого местообъекта направленного дви-

⁷ * Лат. *certus*, -a, -um [cerno] ‘верный, не подлежащий сомнению’, ‘истинный, надёжный’; *cerno*, *crēvi*, *crētum*, -ēre [одного корня с *cribrum* ‘сито, решето’] ‘различать, разбирать, замечать, видеть’: si satis cerno если зрение меня не обманывает; hic, quem cernimus, mundus этот, зримый нами мир; non cerni ulli никем не замечаться (быть незримым для всех), ‘познавать, узнавать: с. animo aliquid (мысленно) представлять себе.

жения вверх, *AdversSurs(OpertPl)*. *Дерево* – как локус ночного, но не только ночного, привычного месторасположения, *LocConsist|(Noct)*.

И остается *кладбище*, которое, в приложении к примеру с вороной, следует представлять как пространство, локус, местообъект, на который ворона, сидя на доме, указывает, каркая с наклоненной в его сторону головой, что предсказывает данному дому скорого покойника. Из этой характеристики можно вывести, но не то, что это привычное место захоронения тех, кто умер, а объясняющий ориентир, для людей, того, что произойдет как событие скорой, для дома, смерти, – указываемый локус, местообъект, для дома, события скорой смерти в нем, *LocIndicat(EventDom > MortBrev)*. Данное положение связывается с вороной только в том отношении, что через ее посредство те, кто ее наблюдают и видят сидящей на доме, об этом, их ожидающем, узнают. Внимание следует обратить на то (и это будет важно при более полном распределении), что проявляемые в примерах объекты, места, отрезки времени должны описываться исходя из того, какова их роль, а тем самым значение, применительно, но не исключительно к данному животному существу, будь то ворона, воробей, аист, ворон либо кто-то еще, а с позиции всех представителей животного мира, находящих свое отражение в повериях и приметах, в их отношении к человеку и миру людей.

Отрезки времени, нашедшие свое отражение в приме-

рах с вороной, определились в словах *на другой день* (будет спокойная погода, если ворона сидит на ночлеге на верхушке дерева по ветру) и *ночью и на другой день* (следует ожидать ненастья, если прячется между ветвей). Исходя из того, о чем речь, то и другое можно описывать, характеризуя подобным образом как последующий, наступающий после данного времени, темпоральный позиционный фрагмент ожидаемого атмосферно-погодного состояния, – *Temp/DiesConsecut(StatAer)*.

Параметр птичьего ‘отношения к человеку’ в его признаках

Обращаясь к тому представлению, которое было выражено как ‘отношение к человеку’, для позиций живых животных существ, находящих свое выражение в повериях и приметах, необходимым видится для типологического их выведения сопоставление по признакам, способным подобное отобразить. Необходимо в этой связи решить, что было бы важным, как таковые признаки, – для вороны, ворона, воробья и аиста, если идти в обратном порядке, относятся к рассматриваемым живым существам.

Начиная с вороны, можно было заметить, в отношении человека, ею спонтанно чувствуемое а) его ожидающее вскорости изменение экзистенционального состояния (*скорый покойник* в доме, *вскоре* разведется *много кур*) и б) не имеющее к нему отношения проявление атмосферно-погодного и просперитивно-погодного темпорального состояния (*к нена-*

стью, дождю, к спокойной погоде, к хорошему либо плохому году). То и другое, выраженное в том, что в (а) и что в (б), представляется внеположенным для человека, на него не воздействующим, хотя им наблюдаемым, а для вороны не связанным с ним. Ворона, тем самым, такое живое животное существо, которое, будучи и находясь вне его, самостоятельно, независимо и не параллельно. Признак, который, в типологическом отношении, можно определять как ее самосущностную внеположенность, в обобщении – экстернативность, и составляло бы это группу экстернативных по отношению к человеку существ, или экстернативов.

Типологическая характеристика ворона отличается от вороны существенным образом. Рассмотренный для него материал из источника позволяет видеть в нем существо, которое не только чувствует, но и указывает на ожидающие человека возможные в скором будущем либо уже себя проявляющие состояния и обстоятельства. В наибольшей мере это можно увидеть в примерах с карканьем над головой (*тут непременно бранят его*), с полетом рядом, особенно с правой стороны (что *предвещает несчастье*), с троекратным карканьем (*к смерти*), с кружением воронов над чьим-либо домом (*к несчастью*), с пролетом над стадом в предупреждающем ожидании нападения волка, и в примере, предполагающем встречу с волком, если кто-то поет в лесу и увидит ворона. На связанное с миром людей отношение ворона указывает также пример с купанием им детенышей в Великий четверг

в выеденном яйце и, наконец, два примера, определяющие последствия для того, кто его убьет (*не будет разводить-ся скот, столько лет, сколько было ворону; тому не миновать трех напраслин*). Все эти примеры позволяют, типологически, переносить для них характерное и на все остальное, с хождением по дорогам (*к ворам*), с сидением с криком на кровле, на крыше дома, особенно дома, в котором больной (*больному смерть, к покойнику или к разорению*). При этом даже обычное карканье, без дополнительных обстоятельств, предвещающее *непogоду или несчастье* (важно это второе), можно видеть как указующее, к человеку направленное, предупреждение. Сюда же относилось бы и его карканье на церкви, означающее, что *быть покойнику*.

Из всего этого следует, что ворон, в отличие от вороны, не экстернативен по отношению к человеку. Однако это и не воздействующее, а тем более не взаимодействующее, хотя и направленное в каких-то существенных случаях, положение. Общее представление, которое складывается на основе примеров, позволяет судить о нем, как о параллельном и из этой экзистенциально-витальной своей параллели человеку показывающемся, в критические моменты его ориентирующем существе. Данная параллельность и указующая ориентированность позволяют типологически определять это как симультанность, понимая под этим такую одновременность, которая, отмечая здесь-нахождение и такое же пребывающее существование здесь, позволяет ворону появляться из сво-

ей параллельности и себя соответствующим образом проявлять в отношении человека, когда протекающие и ведущие к какому-то состоянию процессы вороном переживаются, чувствуясь в их приближении, в то время как человеком нет, и тогда ворон, выскакивая, "выныривая" из своего пребывания в этом мире, в своем вороньем мире, так будет точнее, появляясь в мире таком же, но человека, объявляет своим поведением и/или криком о том. Не для того он выскакивает и объявляется в человеческом мире, чтобы предупредить (хотя, если мыслить мифологически, то это возможно), а потому, что такова его симультанная по определению природа. И тогда ворон, типологически, относился бы к находящимся параллельно и параллельно устроенным симулятивам, представляя группу симулятивных по отношению к человеку существ.

Тем самым, если ворона живет своей жизнью вне отмечаемого положения к человеку, то ворон не то, чтобы своей жизнью не жил, но его жизнь протекает в таком проявлении, которое можно видеть как сопровождающее по отношению к человеку, одновременно-экзистенциональное существование с ним.

Что касается воробья, то его типология, исходя из примеров источника, так же как и у вороны, экстернативна. Все то, что ему в совершении приписывается, будь то в единственном, будь то во множественном числе, – *вьют гнезда* (к вёдру), *кричит*, *купаются в пыли и щебечут* (к дождю), *чири-*

кают (к снегу), и даже то, что, касалось бы следует понимать в отнесении к человеку (*влетит в дом* – к малосодержательным вестям или к посетителю, либо к несчастью), – все это выглядит внеположенным по отношению к человеку. Воробей ведет себя как ведет, руководимый, ведомый к тому своей природой, спонтанно и импульсивно давая реакцию, ту или иную, на им ощущаемое состояние.

В связи со сказанным в отношении воробья и его типологической связи с вороной правомерным был бы вопрос о дальнейшем их различении в общей экстернативной группе.

Первое, на что стоит обратить внимание в данной связи, это то, что спектр предвидимых ощущений вороны несколько шире, чем у воробья, и при этом некоторая их часть (в двух примерах) не непосредственно, однако направленно, обращена к человеку. Можно бы было сказать, что, в отличие от воробья, ворона "видит" (если иметь под этим в виду видение внутреннее, а не внешнее с помощью глаз, хотя и это не может быть исключено) те начавшие себя проявлять процессы, которые, как было ранее сказано, связываются с витальными и продуктивно-просперитивными положениями человека, предполагающиеся для него к своему разрешению в скором будущем. Экстернативность вороны, тем самым, имеет, в какой-то части своей, причастный, партитивный, характер, но тогда, когда ворона одна, а не в стае. Это была бы тогда экстернативность партитивно-сингулятивного типа – *Extern(PartSing)*. В то время как воробью

партиитивность не свойственна, ни в единственном, ни, тем более, во множественном числе, его проявления к человеку не обращены, будучи сконцентрированы на себе и, главным образом, совокупно. Те положения, которые позволяют тому, кто за ним наблюдает, о чем-либо ожидаемом судить, и это касается, в первую очередь, признаков аэративности, – подобные положения определяются совместным, стайным, характером действующего в некотором объединении числа, отделенным, сепаративным, сепаративно-множественным, по своему проявлению в отношении к человеку, – *Extern(SeparPl)*.

В свою очередь, аиста по его проявлениям можно было бы связывать, с точки зрения отношения к человеку, с вороном, не с вороной и не с воробьем. Вместе с тем таковое его отношение имеет иной характер, не такой, как у ворона. Значения его проявлений более разнообразны, богаты и множественны. В определенной части своей они имеют также, в отличие от ворона, воздействующий на человека характер. Наблюдается это, почти непосредственно, в примерах *к счастью и богатству* тому, у кого он совет в трубе гнездо; кто хочет *быть крепким на ноги* в течение целого года, тот должен *пробежать в сторону аиста*, когда увидит его первый раз весной; если кто *увидит аиста первый раз весной в состоянии покоя*, тот весь год *будет слаб на ноги*, то есть будет утомляться ходьбою. И особенно сильно при разорении гнезда аиста с навлечением на себя и на свой дом *целой чере-*

ды несчастий, среди которых могут быть пожары и смерти. Прямо и непосредственно говорится о том, что у того, кто разорит аистиное гнездо, *аист сожжет дом* или *унесет из колыбели ребенка*, а вместо него положит обгорелое полено. Аист сожжет или унесет, т.е. он сам, действуя соответствующим образом. Не такое прямое воздействие, определить которое можно как сопровождающе-упреждающее, заметно в примерах, связанных с молнией и ожидаемой бедой: *В том месте, где аист свил свое гнездо, никогда не ударит молния, даже вблизи него. Если аист перенесет гнездо с одного дома на другой – к беде.*

Указанные соотношения позволяют видеть все же не симулантный тип, характерный для ворона, который, в отличие от аиста, при человеке во времени постоянен, – аист периодичен, весной прилетает и осенью улетает. В связи с чем, дополнительно, следует говорить о его появляющемся и исчезающем, уходящем, воздействии. В типологическом отношении, с рассматриваемой стороны координирующего отнесения к человеку, аиста можно определять, с учетом его, опять же не параллельного, как у ворона, а включающегося и продвигающего характера, – продвигающего в смысле воздействия на сущностные аспекты человеческого состояния и бытия, как в позитиве (рождения, счастье, богатство, здоровье), так и в негативе, (смерти, пожары, несчастья, беда), – определить это можно было бы, в обобщении, как вхождение, ингрессивность и ингрессив, *Ingress*. И это был бы еще

один, третий, тип, наряду с симульативностью ворона и экстернативностью вороны и воробья. Последующий анализ материала источника для живых существ, птиц, а также, в возможном своем продолжении, диких животных с рыбами, насекомых, позволит соотнести их с данными типами, дополнив их либо расширив в составе с выведением новых.

Системные основания проективного ‘отношения к человеку’

Прежде чем перейти к дальнейшему рассмотрению выбранного материала источника, начиная с птиц и сравнивая затем полученные на этой основе следствия с тем, что себя обнаруживает для других животных существ, представляется немаловажным дать предварительное системное описание исследуемого нами предмета. Характеризовать его следует как тот мир, в котором не столько живет и находится человек, сколько он его в голове своей создает, отражая затем в повериях и приметах. Соотношение это можно также видеть и представлять в обратном движении – от предметного мира поверий-примет к сознанию в этом мире живущего и в нем себя ощущающего человека. Не будем, однако, входить, углубляясь, в развитие данного положения, поскольку не в этом состояла выбранная нами задача, а в том, чтобы вывести и представить то, что имеется и что дает основания видеть и выводить материал.

Система, о которой в определяемом случае речь, пред-

ставляется складывающейся из трех не вполне равноправных частей – того, что можно представить как внутреннее (*in se*), в себе, для себя, с точки зрения человека, *Interior*; как связующее, или, если точнее, опять же с позиции человека, то выходящее, выход за пределы себя, переход от себя на другое, эгрессивность и эгрессив, *Egressus (sum)*; и внешнее, то, что находится за пределами с точки зрения себя, не предполагая при этом связующего с ним, с вынесением к нему себя, отношения, *Exterior*.

О свойственных для описываемой системы категорий

Начиная с первого и наиболее близкого к человеку внутреннего, *Interior*, оно же становится более значимым, хотя не всегда при этом более частотным, в рассматриваемых примерах, – начиная с этого первого, можно выделить к нему относящиеся значения (воспринимать их можно как категориальные), и тогда четырех категорий – двух встречавшихся ранее, витальности, *Vit*, определяющей животную, биологическую, жизнь человека, просперитивности, *Prosper*, его благополучия либо неблагополучия, счастья, достатка, приобретения, обладания и того, что наоборот, несчастья, утраты, потери, отсутствия, недостатка и пр. А также двух еще не встречавшихся и в проанализированном, но еще не представленном, материале более редких, – хабитативности, *Habit*, определяющей обстоятельства и особенности проживания, предполагая обжито-освоенные места, в отношении которых что-

либо себя объявляет для предметного мира поверий-примет применительно к человеку, и эмотивности, *Emot*, представляющей его мотивационно-эмоциональную сторону, не обязательно и не всегда находящую выход с перенесением на других, а если и находящихся, то это не будет иметь значением переходящий от себя на другого контакт.

Что касается выхода за пределы себя, эгрессива, *Egressus* (*sum*), его составляют, для материала, значения категорий коммуникативности, *Commun*, и контактности, *Contact*. Коммуникативность, как это следует из названия, предполагает значения, связанные с установлением такого взаимодействия либо воздействия, которое включает в себя содержащееся в определениях отношения к другому (другим), предполагающие социализированный, принятый в данном общественном объединении, характер. Связывается это как с установлением, поддержкой, развитием, так и, напротив, с препятствованием, искажением, прерыванием находящего в примерах коммуникативного взаимодействия.

Значения контактности не обязательно получают свое разрешение в виде коммуникативного взаимодействия и обычно, по крайней мере в исследованных примерах поверий-примет, такового не предполагают. Дополнительной характеристикой этих значений было бы также то, что они не имеют социализированного характера, предполагая взаимодействие либо какое-то одностороннее проявление или действие со стороны, как правило, нечеловеческого, возможно

также такого, по внешнему представлению человеческого, которое, будучи человеческим и одновременно нечеловеческим, не социализировано по своему существу.

Примером значения контактности, довольно редкой в проанализированном материале поверий-примет, можно считать ранее себя обнаружившую встречу с волком (*Кто в лесу поет и увидит ворона, тому встретиться с волком*), определенную как контактность с граничным, соседним, близким, человеческому подобным нечеловеческим, *ContactFinitim*. Другие возможные виды подобного отношения будут рассмотрены далее.

То, что касается показателей внешнего, *Exterior*, их можно видеть в значениях неоднократно себя проявившей темпестативности, или значениях природно-погодного времени, в том числе также периодических, т.е. сезонных – весна, лето, осень, зима и связываемые с ними периоды либо отрезки того же погодного времени. И в значениях значительно реже встречающейся эвентивности, отмечающей нечто происходящее, как событие, явление, себя объявившее положение и пр.

Нетрудно заметить, что в основе всей представляемой системы лежит повторяемая двойственность, не обязательно и не во всех случаях предполагающая противопоставленность. Отношения в парах могут выглядеть как дополнительность, сужение, параллельность. Первые два будут взаимозависимыми, в какой-то степени обусловленными, последнее,

с точки зрения образующей пары, как независимое одно от другого в составе, сопологаемое, сосуществующее, не обязательно одно другое сопровождающее. К взаимозависимым и обусловленным, находящимся в отношении дополнителности, следует относить значения внутреннего – витальности и просперитивности, с одной стороны, и хабитативности состояния привычного проживания, с другой, а также витальности и эмотивности, не обязательно связываемой, а если связываемой, то в каких-то определенных случаях с просперитивом.

Объединяет эти четыре значения, их можно считать категориями, общее их отношение к существованию (экзистенциальности). Между витальностью и просперитивностью можно усматривать отношение взаимно направленной дополнителности: биологическая, животная, жизнь человека себя отражает в благополучии / неблагополучии его существования и бытия. Равно как и наоборот, благополучие / неблагополучие влияет существенным образом на витальное состояние человека. Не обязательно это находит свое отражение в материале примеров, и, вместе с тем, в каких-то возможных случаях сопровождающие проявления признаков одного могут себя обнаруживать в том, что более явно себя объявляет как то, что другое. В связи с чем определение подобных случаев с отнесением к чему-то из двух к одному не то, чтобы было условным, и не то, чтобы допускающим еще одну интерпретацию, но свидетельствующим, главным

образом, о том, что вербализация, т.е. в словах себя воплощающий семантический ряд, и концептуализация, как ряд виртуальный, системный, находятся не всегда в однозначно определяемых, хотя и не так, чтобы в не соотносимых, отношениях асимметрии. Замечая это, следует иметь в виду исследуемый объект – предметный мир примет и поверий, в котором концептуальное составляет исходную сущность, а вербальное лишь позволяет, это увидев, понять.

Между витальностью и просперитивностью, с одной стороны, и тем, что было названо хабитативностью привычного проживания, с другой (без иллюстраций в примерах на данный момент), можно усматривать отношение сужения. То, что связано с жизнью в биологическом смысле, к которой относятся также здоровье, болезни и смерть, с благополучием либо неблагополучием, реализует себя, хотя не всегда непосредственно, в условиях и особенностях проживания, в каком-либо месте, в каком-либо положении, при изменении того и другого. Однако все это требует рассмотрения в материале.

Сужение можно видеть и в отношении витальности с просперитивностью к эмотивности: эмоционально-чувственная сфера у человека способна быть связана с тем и другим. И эта также потребует объяснения при рассмотрении примеров.

В свою очередь, коммуникативность в своих проявлениях много шире и разнообразнее, чем контактность, появля-

ющаяся в примерах довольно редко. Отношение между той и другой можно видеть, и это было бы взглядом чисто концептуальным, – как сужение, для коммуникативности от контактности. Для предметного мира поверий-примет следует говорить о не сочетаемой параллельности, поскольку контактность предполагает то, с чем коммуникативного, в смысле социализированного, контакта не будет. И наоборот, коммуникативность – это такие взаимодействия и контакты, которые не предполагают выходов за пределы того, что является человеческим.

И, наконец, внешнее, в темпестативности и эвентивности, между которыми также необходимо усматривать, в первую очередь, параллельность. При том, что в каких-то случаях, однако в отношении примеров и, тем самым, материала, а следовательно, и предметного мира поверий-примет, об этом вряд ли приходится говорить, – в каких-то случаях, мотивационно и концептуально, эвентивность, в ее событийном не только времени, но и обстоятельствах, может косвенным образом связываться с тем, что себя проявляет как время природно-погодное.

Система в ее значениях и подзначениях

Оставаясь при отвлеченных все еще рассуждениях, без анализа стоящего за всем этим материала, однако важных, поскольку объясняющих то, что исследуется, т.е. систему предметного мира поверий-примет, виртуальную, парадигматическую и в своей основе концептологическую, систе-

му того фрагмента предметного мира поверий-примет, который находит свое отражение в том, что обозначено, для данной части исследования, сферой птичьих живых существ, — оставаясь в пределах отвлеченного от аналитического показа рассмотрения, для представления определяемой системы, выберем такой путь, который можно назвать организующе-структурирующим. Будут представлены упомянутые ранее категории, в тех значениях, которые им свойственны, в упорядочивающем, организующем виде, с необходимыми объяснениями и краткими иллюстрациями, выбранными из материала поверий-примет, касающихся разбираемых существ. Приводимые иллюстрации, далеко не в полном возможном составе, при том, что они нередко дословно взяты из материала источника, следует понимать как виртуальные концептологические позиции, за которыми стоит ориентирующий сознание носителей данной традиции смысл, определяющий положение чего-либо в этом мире. Замечание это важно также и потому, что в условиях контекста, в примере, синтагматически и синтаксически, то или иное слово и сочетание слов, более или менее устойчивое, становясь синтаксической формой, может каким-либо соответствующим образом по-своему себя проявлять, отходя от стоящей за нею и представляемой в определяемой системе концептологической виртуальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.